СТАТЬИ
О ФИЛОСОФІИ
И
ЧАСТЯХЪ ЕЯ
ИЗЪ ЭНЦИКЛОПЕДІИ,

переведенныя

НАДВОРНЫМЪ СОВѢТНИКОМЪ

ЯКОВОМЪ КОЗЕЛЬСКИМЪ.

Часть I.

ПЕЧАТЬ МОСКОВСКАГО ЛИЦЕЯ

цѣна 30 коп.

При Императорской Академіи наукъ
1770 года.

9.n.5176

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ПЕЧАТЬ
ГИМНАЗІИ
ВОЗЖОНОЙ

ФИЛОСОФІЯ по своему произхожденію значитъ любомудрїе. Какъ сїе слово всегда было сумнительно, по причинѣ разныхъ означенїй, въ которыхъ оно принималось, то въ семъ разсужденїи надобно: 1. показать исторически начало его и разныя употребленїя, 2. ограничить ему разумъ достаточнымъ опредѣленїемъ.

1. Что мы называемъ нынѣ философїею, то называлося сперва софїею, или мудростїю. Извѣстно, что первые философы почитаемы были титуломъ мудрецовъ. Сїе имя въ первыя времена было то, что въ наши имя благоразумїя (bel esprit), то есть, оно расточаемо было на многихъ такихъ людей, которые сего пышнаго титула совсѣмъ не стоя́ли. Тогда человѣческой разумъ былъ въ своемъ младенчествѣ, и имя мудрости

простиралось на всѣ тѣ искусства , которыя человѣческой умъ исправляли, или отъ которыхъ общество получало какую либо пользу. Но какъ ученость есть главное исправленїе человѣческаго разума, и чпо науки выученныя и приведенныя въ практику доставляютъ много выгодъ человѣческому роду , то мудрость и ученость въ древности были смѣшены, и почитались за наставленныхъ въ мудрости тѣ люди , которые знали энциклопедїю , то есть имѣли понятїе о всемъ томъ, что было извѣстно въ томъ вѣкѣ , въ которомъ они жили.

Между всѣми науками есть одна , которая превосходствуетъ предъ другими по преимуществу своего предмѣта. Сїя наука учитъ познанїю божества , направляетъ наши понятїя и мысли къ первому сему существу , и обращаетъ къ нему наше богочтенїе. И какъ сїе учение есть по превосходству мудрость , то оно и почтило именемъ мудрецовъ тѣхъ , которые въ немъ упражнялись , то есть богословъ и священниковъ. Самое священное писанїе называетъ именемъ мудрецовъ Халдейскихъ жрецовъ , безъ сумнѣнїя по тому , что они его себѣ присвояли , и что въ томъ былъ всеобщїй обычай. Это было особливо , у тѣхъ

тѣхъ народовъ, которыхъ обыкновенно называютъ варварами; однако со всемъ тѣмъ много еще недоставало до того, чтобъ можно было найти мудрость у всѣхъ сихъ хранителей вѣры. Мудрость жрецовъ тогдашнихъ временъ состояла въ смѣшномъ суевѣріи, въ дѣтскихъ, а иногда и проклятія достойныхъ таинствахъ, въ видѣніяхъ и волжахъ, выдуманныхъ къ утвержденію ихъ власти и къ обману слѣпой черни. Самые славные философы покушались почерпнуть мудрость изъ сихъ источниковъ, и это было намѣреніемъ ихъ путешествій и ихъ поученія во многославленныхъ таинствахъ; но они скоро почувствовали опыт того опровращеніе, такъ что понятіе мудрости не было уже болѣе соединено съ понятіемъ богословіи, какъ только въ мысляхъ сихъ надменныхъ жрецовъ и рабольпствовавшихъ имъ подражателей.

И такъ люди высокаго ума, прилѣпившись къ своимъ размышленіямъ, старались вывесть изъ понятій и началъ подаваемыхъ натурою и умствованіемъ неколеблемую мудрость и утвердить нѣкоторое зданіе (un syſteme) на незыблемомъ основаніи. Но они чрезъ сіе средство могли только свергнуть съ себя иго простонароднаго суевѣрія; въ прочемъ

конецъ предпрїятїя ихъ не имѣлъ подобнаго началу успѣха. Они разорили старое зданїе, а новаго взвесть не могли, и уподобились тѣмъ побѣдителямъ, которые не оставляютъ по себѣ ни чего болѣе, кромѣ развалинъ. Отъ сего то произошло великое множество здорныхъ и противурѣчущихъ мнѣнїй, которыя заставляли сумнѣваться, что осталась ли еще какая смѣшная мысль, которой бы не вздумалъ какой философъ? Я не могу преминуть того, чтобъ не упомянуть здѣсь о нѣкоторой рѣчи Г. Фонтенелла, взятой изъ сочиненїя его о древнихъ и новыхъ ученыхъ людяхъ, которая совершенно приличествуетъ къ сей матерїи. „Такое наше состоянїе (гово-
„ритъ онъ), что не дозволено намъ
„вдругъ достичь до явственной точно-
„сти въ какой бы то ни было матерїи,
„а надобно намъ долго заблуждаться и
„переходить чрезъ разнообразныя погрѣ-
„шности и розностепенныя сумозброд-
„ства. Легко было всегда узнать, что
„все дѣйствїе натуры состоитъ въ фи-
„гурахъ и движенїи тѣлъ; однако, по-
„ка до того дойдено, надобно было
„прежде испытать понятїя Платоновы,
„числа Пиѳагоровы, качества Аристо-
„телевы, и все сїе признавъ за фаль-
„шивое, принуждено было приняться за
„пря-

„прямую системуу. Я говорю, что при-
„нуждено было, по тому что по спра-
„ведливости не оставалось больше дру-
„гой; и кажется, что нарочно не хо-
„тѣли ее принять, такъ какъ можно
„долго. Мы одолжены древнимъ ученымъ
„людямъ, что они истощили большую
„часть фальшивыхъ понятій. Надлежа-
„ло необходимо платить погрѣшности
„и невѣжеству дань, которую они пла-
„тили, и мы должны имѣть благодар-
„ность къ тѣмъ людямъ, которые насъ
„отъ того освободили. То же дѣлается
„и съ многими другими матеріями, о
„которыхъ бы мы сказали довольно глу-
„пыхъ мнѣній, ежелибъ онѣ прежде не
„сказаны были, и ежелибъ онѣ у насъ
„(какъ сказать) не похищенны были. Од-
„нако не смотря на то бываютъ еще
„иногда и изъ новыхъ ученыхъ людей
„нѣкоторые, кои себя такими фаль-
„шивыми мнѣніями насыщаютъ, мо-
„жетъ быть для того, что еще о тѣхъ
„мнѣніяхъ не говорено столько, сколько
„надобно„.

Здѣсь бы пристойно было предло-жить вкратцѣ о разныхъ мнѣніяхъ, ко-торыя употреблялись въ философіи; но предѣлы здѣсь вмѣщаемой матеріи того не дозволяютъ. Самыя славнѣйшія изъ

сихъ мнѣній можно найти въ другихъ мѣстахъ сей энциклопедіи подъ названіями, которыя имъ приличествуютъ. А тѣ, которые хотятъ основательно знать сію матерію, найдутъ довольно чемъ себя удовольствовать въ достаточномъ сочиненіи, которое Г. Брукеръ издалъ на свѣтъ сперва на Нѣмецкомъ, а потомъ на Латинскомъ языкѣ, подъ титуломъ: *Якопа Брукера исторія критическая философіи, отъ начала свѣта даже до нынѣшнихъ временъ допеденная.* Также для сего можно прочесть исторію философіи сочиненную Г. Дессандомъ.

Невѣжество, скоропоспѣшность, гордость и зависть родили въ философіи чудовища весьма презрѣнныя, которыя однихъ людей отвратили отъ ученія ея, а другихъ довели до всеобщаго сумнѣнія.

Но мы въ семъ дѣлѣ не посягнемъ до крайности. Развратъ человѣческаго разума не воспрепятствовалъ философіи получить знатное себѣ приращеніе и клониться къ тому совершенству, котораго она здѣсь на земли достичь можетъ. Древніе ученые люди открыли намъ хорошія правила о нравоучительныхъ

ныхъ должностяхъ, также и о должностии человѣка къ богу. И хотя они и не могли привесть въ совершенство пріятнаго того понятія, которое составляли о мудрости; однако по крайней мѣрѣ получили ту славу, что первые начали понимать ее и первые на то покусились. И такъ она у нихъ здѣлалась наукою практическою, то есть дѣятельною, которая содержала въ себѣ истинны божественныя и человѣческія, то есть все то, что человѣческой разумъ можетъ изобрѣсть въ разсужденіи божества, и все то, что споспѣшествуетъ благополучію общества. Съ того времени, какъ они привели ее въ систематической видъ, начали учить ей, заводить школы и секты. А чтобъ ихъ правила лучше приняты были, то для того они украшали ихъ краснорѣчіемъ; и потому сія наука нечувствительно смѣшалась съ мудростію, а особливо у Грековъ, которые весьма почитали ее по причинѣ вѣченія ея въ общенародныя дѣла въ ихъ республикахъ. Имя мудреца превращено было въ имя учителя краснорѣчія. И сія перемѣна много повредила такую науку, которая въ своемъ началѣ предполагала себѣ благороднѣйшія намѣренія. Вскорѣ перестали учиться у учителей мудрости познаніямъ основательнымъ и полезнымъ

для нашего благосостоянїя, а начали насыщать свой разумъ любопытными вопросами, забавлять свой слухъ составленными въ риѳмахъ періодами, и присуждать побѣду самому упрямому, для того что онъ оставался старшимъ на мѣстѣ сраженія.

Имя мудреца прелестно было для такихъ людей, или лучше сказать оно не приличествуетъ человѣку, а только божеству, какъ вѣчному и неизчерпаемому источнику истинной премудрости. Пиѳагоръ, примѣтивъ сїе, употребилъ вмѣсто пышнаго сего названїя умѣренное имя философа, то есть любомудрца, которое такъ утвердилось, что съ того времени одно оно и было въ употребленїи. Но мудрое предпрїятїе сей перемѣны не погасило гордости въ философахъ, которые не переставали желать слыть одни хранителями истинной мудрости. Обыкновенное средство, которое они употребляли къ своему возвышенїю, состояло въ томъ, что они имѣли нѣкакую мнимую сокровенную науку, въ которой они дѣлали участниками самыхъ вѣрныхъ только изъ своихъ учениковъ, а прочїе многїе питаемы были наставленїями сумнительными. Философы приняли сїи мысли и

сей

сей порядокъ ученія безъ сумнѣнія отъ жрецовъ, которые научали познанію своихъ таинствъ не прежде, какъ по долговременномъ искушеніи. Но сіи таинства какъ жрецовъ, такъ и философовъ не стóяли того труда, которой предпринимаемъ былъ къ полученію въ нихъ знанія.

Хотя въ сочиненіяхъ древнихъ философовъ, которыя намъ соблюдены, много находится недостатковъ, а особливо что касается до метода, то есть порядка ученія, однако не смотря на то видно въ нихъ сѣмена большей части нынѣшнихъ изобрѣтеній. Матеріи, которымъ не было нужды въ наблюденіяхъ и инструментахъ, то есть орудіяхъ, какъ то нравоучительныя, произведены были столь далеко, сколько человѣческому уму учинить то можно было. А что касается до физики, то она получивъ помочь въ сихъ поздыхъ вѣкахъ, нынѣ много превосходитъ физику древнихъ. Надобно удивляться, что древніе могли такъ хорошо угадывать во многихъ случаяхъ, гдѣ они не могли видѣть того, что мы нынѣ видимъ. То же самое сказать можно о медицинѣ и математикѣ; какъ въ сихъ наукахъ предметы ихъ разбираются по безчисленному множеству ихъ видовъ, и какъ онѣ

много

много зависятъ отъ опытовъ, которые раждаются единственно отъ случаевъ, да и самые сіи случаи не приходятъ въ потребное время; то изъ сего явствуетъ, что нынѣшніе физики, медики и математики должны быпь напурально искуснѣе древнихъ.

Имя философіи пребывало всегда сумнительнымъ и содержало въ пространномъ своемъ обятіи не только познаніе божественныхъ и человѣческихъ дѣлъ, но еще медицину, грамматику, реторику, критику, исторію и поэзію, а сверьхъ того простерлось оно и до церкви, такъ что Христіянская вѣра названа священною философіею, и учители ея, которые проповѣдовали ея истинну, такожъ и послѣдователи, которые исполняли строгія ея предписанія, называемы были философами.

Раздѣленія такой науки понятой въ такой общественности (generalité) были произвольныя. Самое древнее и самое употребительное было то, въ которомъ предлагаема была философія въ разсужденіи Бога и человѣка.

Аристотель ввелъ новое раздѣленіе въ философію, которое состояло въ слѣдующемъ: три рода суть теоретическихъ

по

то есть умозрительныхъ наукъ, а именно: математической, физической и богословской. Рѣчь Сенеки показываетъ раздѣленіе нѣкоторыхъ другихъ сектъ: стоики полагали три части фялософіи, а именно: нравоучительную, натуральную, то есть естественную и умственную (rationalem). Первая содержитъ разсужденія о духѣ, вторая испытываетъ натуру или естество вещей, третія изслѣдываетъ свойство, составленіе и доказательства словъ, чтобъ не принимать вмѣсто истинны фальши. Эпикуры полагали двѣ части философіи, то есть натуральную и нравоучительную, а умственной не принимали. Потомъ какъ они самымъ дѣломъ принуждены были разобрать сумнѣнія, и открыть фальшь скрытую подъ видомъ истинны; то сами ввели умственную часть подъ другимъ именемъ, то есть подъ именемъ зависящей отъ разсужденія и правила: но сіе прибавленіе почитаютъ они за натуральную часть. Киринейцы натуральную и умственную части отняли, а удовольствовались только нравоучительною. Сенека письмо 89.

Въ школахъ раздѣлена была философія на четыре части, то есть: логику, метафику, физику и нравоученіе.

2. Теперь время приступить къ другому пункту сей матерїи, то есть означить точной разумъ имени философїи, и дать ей прямое опредѣленїе. Философствовать есть не что иное, какъ показывать причины истиннъ, а по крайней мѣрѣ искать ихъ. Ибо когда кто только видитъ что и описываетъ, то это будетъ историкъ. Когда кто вычисляетъ и измѣряетъ пропорцїи, величины, и содержанїя вещей, тотъ есть математикъ. А тотъ которой откръваетъ причины бытїя вещей, и что онѣ пребываютъ такимъ, а не другимъ образомъ, есть свойственно называемой философъ.

По сему положенїю кажется мнѣ, что опредѣленїе, которое Г. Вольфъ далъ философїи, содержитъ въ своей краткости все то, что означаетъ сїю науку. По его мнѣнїю философїя есть наука возможныхъ истиннъ, поколику онѣ возможны. Сїя наука доказываетъ то, что предлагаетъ. Это наука возможныхъ истиннъ, потому что намѣренїе ея состоитъ въ томъ, чтобъ показывать причину всему тому, что есть, и что быть можетъ во всѣхъ истинныхъ. Напримѣръ я ненавижу нѣкотораго человѣка, я бы могъ его любить. Нѣкото-

рое

рое тѣло занимаетъ извѣстное мѣсто на свѣтѣ, оно бы могло занять другое; но сіи возможныя разности не могутъ быть въ одно время : и такъ есть причина , которая опредѣляетъ быть паче одному , нежели другому ; и сію причину философъ ищетъ и означаетъ.

Сіе опредѣленіе содержитъ въ себѣ настоящее , прошедшее , будущее и то, что никогда не было и не будетъ , какъ то суть всѣ общія и опдѣленныя понятія. Такая наука есть истинная энциклопедія ; все съ нею связано и все отъ ея зависитъ. Сіе узнали и древніе , когда они употребляли имя философіи (какъ мы выше сего видѣли) ко всѣмъ наукамъ и искусствамъ ; но они не доказали всеобщаго втеченія сей науки во всѣ другія. Не можно представить ее яснѣе , какъ чрезъ опредѣленіе Г. Вольфа. Возможныя содержатъ въ себѣ предметы всего того , что можетъ упразнить человѣческой разумъ и прилѣжаніе ; и по тому всѣ науки и искусства имѣютъ свою философію. Сіе явствуетъ изъ того , что все въ юриспруденціи , медицинѣ , политикѣ происходитъ , или по крайней мѣрѣ должно происходить по какой либо причинѣ ; и ежели кто находитъ тѣ причины и означаетъ ихъ ,

тотъ

моїмъ философствуетъ о вышеписанныхъ наукахъ. Такимъ же образомъ архитекторъ, живописецъ, рѣжчикъ, да и самой простой дровосѣкъ имѣетъ свои причины дѣлать то, что онъ дѣлаетъ такимъ, а не другимъ образомъ. Правда, что большая часть изъ сихъ людей работаютъ по привычкѣ, и употребляютъ свои орудїя, не зная механической силы и пропорцїи въ своихъ работахъ, но совсемъ тѣмъ всякое орудїе имѣетъ свою причину, такъ что ежелибъ оно было здѣлано иначе, то бы работа не получила успѣху. Никто кромѣ философа не производитъ сихъ откровенїй и не можетъ доказать, что вещи суть таковы, каковымъ имъ быть должно, или ихъ поправить, когда можно, показавъ причину сей перемѣны.

Предметы философїи суть тѣ же, которые и всѣхъ нашихъ познанїй вообще, и дѣлаютъ натуральное раздѣленїе сей науки. Главнѣйшїе изъ нихъ суть три, богъ, душа и матерїя. Симъ тремъ предметамъ соотвѣтствуютъ три главныя части философїи. Первая, то есть богословїя естественная, или наука возможныхъ истинъ въ разсужденїи бога. Возможныя въ разсужденїи бога истинны суть тѣ, которыя въ немъ и чрезъ него по-

понять можно. То же дѣлается съ опредѣленіями возможныхъ истинъ въ разсужденіи души и тѣла. Вторая часть есть Психологія, которая касается до возможныхъ истинъ въ разсужденіи души, а третія Физика, которая содержитъ въ себѣ возможныя истины въ разсужденіи тѣлъ.

Сіе раздѣленіе общее, имѣетъ въ себѣ нижнія раздѣленія частныя, которыя Г. Вольфъ располагаетъ слѣдующимъ образомъ:

Когда мы размышляемъ сами о себѣ, то убѣждаемъ себя въ томъ, что есть въ насъ нѣкоторая способность производить понятія о возможныхъ истинахъ; и сію способность называемъ мы разумомъ; но то не легко, чтобъ познать, сколь далеко сія способность простирается, ни то, какъ употреблять ее должно, чтобъ открыть собственными нашими размышленіями неизвѣстныя намъ истины, и чтобъ разсудить точно о тѣхъ, которыя изобрѣли уже другіе. И такъ первое наше упражненіе состоять должно въ изслѣдованіи силъ человѣческаго разума, и въ порядочномъ ихъ употребленіи къ познанію истины. Часть философіи, въ которой

предлагаетсѧ сїя матерїя , называетсѧ Логика , или наука размышленїя.

Между всѣми возможными истинами необходимо должно быть нѣкоторое само по себѣ пребывающее существо; въ противномъ случаѣ были бы возможныя истинны , о которыхъ возможности не можно бы было сказать причины ; а такое мнѣнїе несправедливо. Сїе само по себѣ пребывающее существо есть то, которое мы называемъ богомъ. Другїя существа , которыя имѣютъ причину своего пребыванїя въ семъ самомъ по себѣ пребывающемъ существѣ, называютсѧ тварии ; но какъ философїя должна показывать причины возможности вещей , то потому приличествуетъ полагать науку о богѣ предъ наукою о тваряхъ. Правда я признаюсь, что надобно прежде сего имѣть общее познанїе тварей ; но нѣтъ нужды почерпать его изъ философїи , потому что оно еще отъ младенчества приобрѣтаетсѧ непрестанными опытами. И такъ часть философїи , въ которой предлагаетсѧ о богѣ и началѣ тварей , называетсѧ богословїя естественная , или наука о богѣ.

Твари показываютъ свою дѣятельность (activité) или движенїемъ , или мы-

мыслію. Первыя изъ нихъ суть тѣла, а другія духи. И какъ философія старается показать довольныя причины всему; то для того должна она также изслѣдывать силы и дѣйствія сихъ существъ, которыя дѣйствуютъ или движеніемъ, или мыслію. И такъ философія показываетъ намъ, что происходить можетъ отъ силы тѣлъ и отъ могущества духовъ. Часть философіи, въ которой показывается то, что могутъ дѣйствовать духи называется Пневматологія, или наука о духахъ; а другая часть въ которой предлагается о томъ, что производить можетъ сила тѣлъ, называется Физика или наука о естествѣ.

Существо, которое въ насъ мыслитъ, называется душа, и какъ душа есть изъ числа духовъ и имѣетъ въ себѣ сверьхъ разума еще волю, которая причиняетъ многія произхожденія; то должно въ философіи изъяснять и то, что случаться можетъ въ разсужденіи воли: и сіе принадлежитъ до права натуральнаго, нравоученія и политики.

Но понеже всѣ существа, какъ то тѣла, духи и души въ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ суть подобны между собою;

то для того надобно изслѣдовать и то, что можетъ приличествовать вообще всѣмъ существамъ, и въ чемъ состоитъ ихъ общая разность. Часть философіи, которая содержитъ въ себѣ общее познаніе всѣхъ существъ называется Онтологія (science fondamentale.) Сія наука равно какъ и другая о духахъ, также и Богословія естественная составляютъ Метафизику (science principale.)

Мы не довольствуемся тѣмъ, чтобъ простирать нашъ разумъ къ познанію того, какими силами производятся нѣкоторыя дѣйствія натуры, а направляемъ его еще далѣе: мы измѣриваемъ съ крайнею точностію степени силъ и дѣйствій, чтобъ явственно узнать, какая сила производитъ какое дѣйствіе. Напримѣръ: есть много такихъ людей, которые довольствуются тѣмъ, чтобъ знать, что воздухъ стѣсненной силою въ фонтанѣ гонитъ воду до нѣкоторой чрезвычайной высоты; но другіе любопытнѣйшіе силятся находить, сколько увеличится сила воздуха, когда онъ чрезъ стѣсненіе займетъ половину, треть или четверть противъ прежняго пространства, и на сколько футъ подыметъ онъ воду во всякой вышеписанной разъ; и это мы производимъ

познанія наша до высочайшей ихъ степени, когда мы знаемъ измѣрять все то, что имѣетъ величину: и въ семъ намѣреніи изобрѣтена Математика.

Истинной порядокъ, по которому части философіи располагать должно, состоитъ въ томъ, чтобъ предполагать изъ нихъ тѣ, которыя содержатъ въ себѣ основанія, служащія къ выразумѣнію и доказательству слѣдующихъ. Сей порядокъ осторожно соблюлъ Г. Вольфъ, какъ то видно изъ того, что я здѣсь изъ его выбралъ.

Можно еще философію раздѣлить на двѣ части, а именно: на Теоретическую то есть умозрительную и Практическую, то есть дѣятельную.

Философія Теоретическая упражняется въ одномъ только умозрѣніи истинны и не простирается далѣе.

Философія Практическая подаетъ правила, какъ дѣйствовать на свой предмѣтъ, и она есть двоякая въ разсужденіи двухъ образовъ дѣлъ человѣческихъ. Сіи два образа суть логика и нравоученіе. Логика управляетъ дѣйствіями разума:

зума ; а нравоученіе дѣйствіями воли ; (смотри логику и нравоученіе), а прочія части философіи суть единственно умозрительныя.

Философія также обыкновенно почитается за особливую науку, или за системы изобрѣтенныя философами по имени, которыя имѣли своихъ послѣдователей. Философія такимъ образомъ разсуждаемая раздѣлялась на великое множество сектъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ ; таковы были Платоники, Перипатетики, Эпикурцы, Стоики, Пиѳагорики, Пирроники и Академики. Таковы суть и въ наши времена Картезіанцы, Нейтоніанцы (смотри начало и догматъ каждой секты въ особомъ ей артикулѣ).

За философію почитаютъ также нѣкоторой образъ философствованія, или нѣкоторыя основанія, отъ которыхъ зависятъ всѣ посредствомъ ихъ производимыя изобрѣтенія ; и въ семъ разумѣ называется философія о маленькихъ частицахъ, философія механическая, философія экспериментальная, то есть опытная.

Такое

Такое есть здравое понятïе о философïи ; намѣреніе ея есть извѣстность , (certitude) къ которой всѣ ея стопы клонятся посредствомъ доказательства. Свойство и различïе философа отъ простыхъ людей состоитъ въ томъ , что онъ не принимаетъ ничего безъ доказательства , что не довольствуется обманчивыми понятïями , и что онъ полагаетъ точныя границы извѣстнаго, правдоподобнаго и сумнительнаго. Онъ не забавляется пустыми словами , и не толкуетъ ни чего скрытыми качествами , которыя суть не что иное , какъ само дѣйствïе превращенное въ причину, и онъ всегда лучше признается въ своемъ незнанïи , когда умствованïе и опыты его не доведутъ къ прямой причинѣ какихъ истинъ.

Философïя есть наука еще весма несовершенная и никогда не будетъ полная , потому что никто не можетъ показать причинъ всѣмъ возможнымъ истиннамъ. Существо , которое создало все по вѣсу и мѣрѣ , одно имѣетъ познанïе философическое , математическое и совершенное о дѣлѣ рукъ своихъ ; но человѣкъ тѣмъ не меньше похвалы достоинъ , когда онъ учится по великой книгѣ натуры и ищетъ тамъ доказатель-

ства премудрости и всѣхъ совершенствъ своего Создателя ; и такъ общество имѣетъ великую пользу отъ философическихъ изслѣдованій , которыя произвели и привели многія полезныя человѣческому роду изобрѣтенія въ совершенство.

Самой большой философъ есть тотъ, которой объявляетъ большаго числа истинныъ причины , и симъ означается точное его достоинство. Чрезъ сіе средство ученость уже больше не будетъ смѣшивана съ философіею. Познаніе дѣлъ безспорно полезно и служитъ притомъ существеннымъ предвареніемъ къ ихъ истолкованію ; но чтобъ быть философомъ, то не довольно того , когда кто много видѣлъ , или читалъ , также и того , когда кто знаетъ исторію философіи , наукъ и искусствъ. Все сіе часто не дѣлаетъ инаго чего , какъ только нестройную смѣсь ; но чтобъ быть философомъ , то надобно знать твердыя осчованія, а особливо доброй порядокъ ученія , чтобъ показать причины ихъ дѣлъ и вывесть изъ нихъ правильныя слѣдствія.

Два главныя препятства одерживали чрезъ долгое время успѣхъ философіи, также

также важность и разумъ систематические.

Истинной философъ видитъ не чужими глазами, и онъ не здается, какъ только по убѣжденію, которое родится отъ явственности. Трудно понять, какъ то дѣлается, что люди, которые имѣютъ свой разумъ, употребляютъ больше чужой, а не тотъ, которой имъ богъ даровалъ въ изслѣдованіи истинны. безъ сумнѣнія несравненно больше въ томъ пріятности и чести, чтобъ видѣть собственными своими, нежели чужими глазами; и такой человѣкъ, которой имѣетъ здоровыя глаза, не вздумаетъ никогда закрыть ихъ, или выколоть, въ надѣждѣ имѣть себѣ вожатаго; однако въ семъ есть всеобщій обычай. Отецъ Малленбрахій объявляетъ тому разныя причины:

1. Натуральную лѣность въ людяхъ, которые не хотятъ употреблять труда, чтобъ размышлять.

2. Неспособность къ размышленію, въ которую впадаютъ люди неупражняющіеся въ размышленіи съ младенчества, когда еще мозговыя жилки способны ко всякому наклоненію.

3. Слабая охота къ обученію отдѣленныхъ истинъ, которыя служатъ основаніемъ ко всему тому, что здѣсь на земли познать можно.

4. Безумная суета, которая заставляетъ насъ желать слыть учеными; потому что такими людьми называютъ тѣхъ, которые много упражняются въ чтеніи. Познаніе мнѣній гораздо больше въ употребленіи для обхожденія съ людьми и для ослѣпленія простонародныхъ разумовъ, нежели познаніе истинной философіи, которая есть плодъ размышленія.

5. Безмѣрное удивленіе нынѣшнихъ людей древнимъ, которое заставляетъ ихъ воображать себѣ, будто бы они были просвѣщенны больше, нежели какъ мы быть можемъ, и будто бы тамъ нечего уже дѣлать, въ чемъ они не получили успѣху.

6. Нѣкакое странное почтеніе, смѣшенное съ безумнымъ любопытствомъ, которое заставляетъ насъ удивляться больше вещамъ самымъ отдаленнымъ и самымъ старымъ: также и книгамъ самымъ темнымъ, такимъ образомъ въ прежнія времена почитали Гераклита за его темно-

темноту. Мы ищемъ старыхъ медалей, хотя изоржавѣлыхъ, и бережемъ съ великимъ раченїемъ фонарь или туфель чей либо изъ древнихъ людей. Древность ихъ составляетъ все ихъ достоинство. Иные люди прилѣжно читаютъ Раввиновъ, по тому что они писали на иностранномъ весьма испорченномъ и весьма темномъ языкѣ. Мы почитаемъ мнѣнїя самыя старыя больше, для того что онѣ отъ насъ очень отдалены, и безъ сумнѣнїя ежелибъ Нимвродъ писалъ исторїю своего царствованїя, то бы посему вся тонкая политика, также и всѣ другїя науки въ ней находились, какъ то нѣкоторые думаютъ, будто бы Гомеръ и Виргилїй имѣли совершенное познанїе натуры. Надобно, говорятъ, почитать древность: какъ? Аристотель, Платонъ, Эпикуръ, сїи великїе люди могли ли бы обмануться? а того не разсуждаютъ, что Аристотель, Платонъ Эпикуръ были подобные намъ люди, и сверьхъ того, что во времени, въ которомъ мы живемъ, свѣтъ старѣе прежняго двумя тысячами лѣтъ, что онъ имѣетъ больше искуства, что онъ долженъ быть больше просвѣщенъ, и что старость свѣта и искусство опкрываютъ истинну.

Доброй и выполированной разумъ нашего вѣка , говоритъ господинъ Фонтенелль , есть (какъ сказать) составленъ изъ всѣхъ разумовъ прошедшихъ вѣковъ. Онъ есть не что иное , какъ одинъ и тотъ же разумъ полированной чрезъ все сіе время ; такимъ образомъ тотъ человѣкъ , которой жилъ отъ начала свѣта даже до нынѣшняго времени , имѣлъ свое младенчество , въ которое онъ исправлялъ дѣла , самыя нужнѣйшія къ его жизни ; юношество , когда онъ успѣвалъ въ дѣлахъ , зависящихъ отъ воображенія, какъ то въ поэзіи и краснорѣчіи , и когда онъ началъ умствовать, но не сполъ основательно , сколь жарко ; а нынѣ онъ возмужалъ и умствуетъ съ большею силою и просвѣщеніемъ , нежели въ какое другое время. Сей человѣкъ (говоря свойственно) не будетъ имѣть старости , онъ всегда будетъ одинаково способенъ ко всѣмъ тѣмъ дѣламъ , къ которымъ онъ въ юношествѣ своемъ былъ склоненъ , а паче и паче къ тѣмъ , кои приличествуютъ возмужалости, или какъ сказать оставивъ аллегорію , люди не перемѣняются никогда въ своей природѣ и здравыя размышленія всѣхъ добрыхъ разумовъ слѣдующихъ одинъ по другомъ всегда прибавляться будутъ однѣ къ другимъ.

Сїи основательныя и твердыя размышленїя должны были отвратить насъ отъ смѣшныхъ предразсужденїй о древнихъ ученыхъ людяхъ. Ежели нашъ умъ, подкрѣпляемой врожденною въ насъ суетою, не можетъ насъ отвесть отъ смиренїя, такъ худо понимаемаго, что будто бы мы, будучи человѣки, не могли имѣть права искать такъ великаго совершенства; то по крайней мѣрѣ опыты довольно убѣдить насъ могутъ, что ничто такъ не одерживало распространенїя истинны и ничто такъ неограничивало разума человѣческаго, какъ сїе безмѣрное удивленїе древнимъ. Г. Фонтенелль говоритъ, что отъ того, что Аристотеля весьма много уважали, и что не искали истинны, какъ только въ его загадочныхъ книгахъ, а не въ натурѣ, Философїя не только нимало не возраспала, но еще упала въ пропасть здоровъ и непостижимыхъ понятїй, такъ что на изведенїе ея отъ толь надобно было употребить чрезвычайные труды. Аристотель не здѣлалъ никого истиннымъ философомъ, а еще заглушилъ и тѣхъ, которыебъ могли здѣлаться, ежелибъ дозволено было. И вредъ въ семъ дѣлѣ тѣмъ больше, что когда однажды принята будетъ такая между людьми фантазїя, то уже она продолжаться будетъ цѣлые вѣки,

даже

даже какъ и узнаютъ, сколь это смѣшно. И когда кто вздумалъ слѣдовать Картезію и принять его на мѣсто Аристотеля, то и въ такомъ случаѣ слѣдовала такая же неспособность.

Когда сіе неумѣренное почтеніе къ древности имѣетъ такое худое вліяніе, то сколь оно заразительнѣе еще дѣлается для истолкователей древнихъ писателей? Какая бы красавица, говоритъ тотъ умной писатель, на которого мы посылались, не сочла себя благополучною, когдабъ она могла вдохнуть своему любовнику такую живую и нѣжную къ себѣ страсть, какую иной Грекъ, или Латинщикъ вдыхаетъ въ своего почтительнаго переводчика? Когда кто упоминаетъ объ Аристотелѣ, то говоритъ, вотъ наперстникъ натуры! а когда пишетъ о Платонѣ, то, вотъ божественной Платонъ! Сочиненій ихъ не называютъ человѣческими, а сочиненіями божественныхъ людей, которые приводили свои вѣки въ удивленіе. То же самое дѣлается и съ матеріею, которую сіи писатели предлагали, и ее называютъ самою лучшею, самою превосходнѣйшею и самою нужнѣйшею. Но съ того времени, какъ насталъ Картезій, Нейтонъ, Лейбницій и Вольфъ, съ того времени, какъ Математика-

тематика совокупилась съ философіею, образъ умствованія приведенъ въ несравненно лучшее совершенство.

Систематическіе разумы не меньше одерживаютъ откровеніе истинны. Въ систематическомъ разумѣ не полагаю я того, которой связываетъ истинны для составленія доказательствъ, сей разумъ есть прямой философской; но означаю тотъ разумъ, которой дѣлаетъ системы свѣта, къ которымъ онъ потомъ хотя къ стати или не къ стати старается приноровить дѣйствія натуры. Можно видѣть много хорошихъ о семъ размышленій во второмъ томѣ небесной исторіи, сочиненной Аббатомъ Плюшомъ. Только онъ сіи размышленія простеръ нѣсколько далеко, такъ что трудноб ему было отвѣчать инымъ критикамъ; а нѣтъ лучше, какъ дѣлаетъ Французкая Академія Наукъ; она разсудила видѣть, наблюдать и записывать въ реестры наблюденія и опыты и оставлять на попеченіе потомству, чтобъ здѣлать полную систему или зданіе, когда будетъ къ тому довольно матеріаловъ; но сіе время отъ насъ еще очень далеко, когда то такъ есть, чтобъ ему прійти когда либо.

А что систематической разумъ, такъ противенъ благоуспѣшному теченію истинны; то происходитъ отъ того, что нѣтъ способу вывесть изъ погрѣшности тѣхъ людей, которые вздумали какую либо правдоподобную систему. Они хранятъ и блюдутъ съ крайнимъ раченіемъ всѣ тѣ вещи, которыя служатъ нѣкоторымъ образомъ къ подкрѣпленію той ихъ системы, а напротивъ того не видятъ почти всѣхъ тому противорѣчій, или отводятъ ихъ какимъ либо пустымъ отличеніемъ. Они внутренно веселятся взираніемъ на свой трудъ и почтеніемъ, которое они за то имѣть надѣются, они стараются разсуждать только о видѣ истинны, которой имѣютъ на себѣ правдоподобныя ихъ мнѣнія. Они держутъ сей видъ неподвижно предъ своими глазами и не взираютъ никогда на другіе виды ихъ мнѣній, которые бы имъ фальшь въ томъ открыли.

А ежели присовокупить къ сему предразсужденія и страсти, то предразсужденія заражаютъ разумъ, а страсти смѣшиваютъ понятія весьма многими образами, и заставляютъ насъ почти всегда видѣть въ предметахъ все то, что мы въ нихъ найти желаемъ;

самая

самая та страсть , которую мы имѣемъ къ истиннѣ , иногда обманываетъ насъ , когда она будетъ очень сильна. Маллебранхїй.

Философъ. Теперь нѣтъ ничего достать дешевлѣ , какъ имя философа ; для полученїя его довольно низкой и уединенной жизни , нѣкоторой наружности въ мудрости , и небольшаго чтенїя книгъ такимъ людямъ , которые титулуются симъ именемъ безъ заслуги.

Другїе, въ которыхъ вольность мыслей занимаетъ мѣсто умствованїя , ставятъ себя однихъ за истинныхъ философовъ , для того что они отважились преступить священные предѣлы , положенные вѣрою , и что они разламали оковы , въ которыя заключила вѣра ихъ умъ. Они гордясь тѣмъ , что свободны отъ предразсужденїй воспитанїя въ матерїи касающейся до вѣры , взираютъ съ презрѣнїемъ на другихъ людей , какъ на слабыхъ душъ , рабскихъ духовъ , и бѣдныхъ разумовъ , которые устрашаются слѣдствїями происходящими отъ невѣрїя, и которые не смѣя выступить ни на минуту изъ предѣла уставленныхъ истинъ, нижѐ шествовать новымъ путемъ , дремлютъ подъ игомъ суевѣрїя.

Надобно имѣть понятïе о философѣ точнѣе: мы ему опредѣляемъ слѣдующее свойство.

Другïе люди опредѣлены дѣйствовать безъ понятïя, и безъ познанïя побуждающихъ ихъ къ тому причинъ, даже и безъ помышленïя о томъ, что есть такïя причины; а философъ напротивъ того разбираетъ причины, сколько ему возможно, а часто ихъ и предъупреждаетъ и слѣдуетъ имъ съ познанïемъ. Философы подобны такимъ часамъ, которые (какъ сказать) заводятся иногда сами собою: такимъ образомъ философъ убѣгаетъ отъ такихъ предметовъ, которые могутъ подать ему мысли не приличествующïя ни общему благосостоянïю, ни умному существу; а ищетъ такихъ, которые могутъ возбудить въ немъ желанïя приличныя тому состоянïю, въ которомъ онъ находится. Умствованïе въ разсужденïи философа, есть то, что благодать въ разсужденïи Христïянина. Христïянина къ дѣйствïю опредѣляетъ благодать, а философа умствованïе.

Другïе люди слѣдуютъ своимъ страстямъ, и предъ начатïемъ своихъ дѣлъ не употребляютъ размышленïя, и сïи

люди

Люди ходятъ во тмѣ, а философъ напроіпивъ того поступаетъ въ своихъ стяхъ по размышленію; онъ ходитъ ночью, но съ предносимымъ фанаремъ.

Философъ составляетъ свои основанія изъ множества частныхъ наблюденій. Народъ принимаетъ основаніе, не думая о наблюденіяхъ, которыя произвели его; онъ думаетъ, будто бы правило состояло (какъ сказать) само по себѣ; а философъ беретъ правило изъ его источника; онъ изслѣдываетъ его начало, онъ узнаетъ ему цѣну, и употребляетъ его въ пристойномъ случаѣ.

Истинна у философа не портитъ воображенія, такъ чтобъ онъ думалъ найти ее вездѣ; онъ довольствуется тѣмъ, что можетъ разобрать ее тамъ, гдѣ ее примѣтитъ. Онъ не смѣшиваетъ ее съ правдоподобіемъ; онъ принимаетъ за истинное то, что есть истинно, за фальшивое, что фальшиво, за сумнительное, что сумнительно, и за правдоподобное, что правдоподобно. Онъ еще дѣлаетъ больше, (и въ семъ состоитъ великое совершенство философа) то есть, онъ умѣетъ остаться ни къ чему не склоннымъ (indeterminé), когда онъ разсуждать не имѣетъ прямой причины.

Свѣтъ наполненъ разумными и весьма разумными людьми, которые всегда разсуждаютъ и всегда угадываютъ; ибо то есть угадывать, ежели разсуждать не понимая того, когда бываетъ прямая причина къ разсужденію. Они не знаютъ силы человѣческаго разума; они думаютъ, что онъ все познать можетъ, и такъ они почитаютъ за стыдъ то, чтобъ не сказать своего о чемъ либо разсужденія, и воображаютъ себѣ, будто бы разумъ состоялъ въ томъ, чтобъ разсуждать; а философъ думаетъ, что что онъ состоитъ въ томъ, чтобъ хорошо разсуждать: онъ довольнѣе бываетъ собою тогда, когда онъ остановится ни къ чему несклоннымъ, нежели когдабъ онъ къ чему склонился, прежде понятія прямой къ тому причины. Такимъ образомъ онъ разсуждаетъ и говоритъ меньше другихъ, но разсуждаетъ надежнѣе, и говоритъ лучше. Онъ не убѣгаетъ отъ тѣхъ живыхъ изображеній, которыя натурально предстаавляются разуму чрезъ скорое совокупленіе понятій, которому мы часто удивляемся. Въ сей то скорой связи состоитъ то, что мы обыкновенно называемъ разумомъ, но самого сего онъ ищетъ наименьше; онъ предпочитаетъ сему блистательному вкусу заботу, чтобъ хорошо различить

свои понятія, познать точное ихъ пространство и прямую связь, и чтобъ убѣжать отъ погрѣшности въ великомъ распространеніи какого либо частнаго сходства, которое понятія имѣютъ между собою. Въ семъ различіи состоитъ разсужденіе и точность разума: къ сей точности присовокупляется гибкость и тонкость того же разума. Философъ не прилѣпляется такъ къ какой либо системѣ, чтобъ онъ не чувствовалъ всей силы ея противурѣчій. Большая часть людей такъ сильно предаются своимъ мнѣніямъ, что не хотятъ принять на себя труда, чтобъ только разобрать другихъ мнѣнія. Философъ понимаетъ то мнѣніе, которое отвергаетъ, такъ обширно и тонко, какъ онъ разумѣетъ то, которое принимаетъ.

И такъ философской разумъ есть разумъ наблюденія и точности, которой посылается во всемъ на истинныя свои основанія. Но философъ не только то одно дѣлаетъ, что полируетъ свой разумъ: онъ простираетъ свое вниманіе и попеченіе еще далѣе.

Человѣкъ есть не чудовище какое, которомубъ слѣдовало жить въ морской пучинѣ, или въ непроходимыхъ лѣсахъ;

однѣ житейскія нужды дѣлаютъ ему сообщеніе съ другими людьми необходимымъ, и въ какомъ бы онъ состояніи ни находился, то нужды и благосостояніе его обязываютъ жить въ обществѣ. И такъ разумъ требуетъ отъ него, чтобъ онъ испытывалъ познавалъ, и старался приобрѣсть способныя къ общежитію качества.

Нашъ философъ не почитаетъ себя въ ссылкѣ на семъ свѣтѣ, ниже въ непріятельской землѣ; онъ хочетъ пользоваться, по примѣру мудраго домостроителя, добромъ, которое ему натура представляетъ. Онъ хочетъ находить пріятность въ обхожденіи съ другими людьми, а чтобъ ее находить, то надобно ее и дѣлать; такимъ образомъ онъ старается приноровляться къ тѣмъ людямъ, съ которыми случай, или выборъ его заставляютъ жить; при чемъ онъ находитъ и то, что ему приличествуетъ; однимъ словомъ это честной человѣкъ, которой хочетъ другимъ нравиться и здѣлаться полезнымъ.

Большая часть вельможъ, коимъ расточеніе ихъ не даетъ довольно времени къ размышленію, гордятся противу тѣхъ, которыхъ они не почитаютъ себѣ равными.

ми. Обыкновенные философы, которые размышляютъ много, или которые размышляютъ худо, гордятся предъ всѣми людьми: они бѣгаютъ отъ людей, а люди отъ нихъ. А нашъ философъ, который умѣетъ раздѣлять себя между уединеніемъ и сообщеніемъ съ людьми, наполненъ человѣколюбіемъ. Это Хремесъ Теренціевъ, которой чувствуетъ, что онъ человѣкъ, и котораго одно человѣколюбіе привязываетъ къ доброму, или къ худому жребію своего ближняго: (Homo ſum, humani ame nihil alienum puto). Человѣкъ есьмь и ничего человѣческаго спраннымъ для меня не почитаю.

Это бы безполезно было, чтобъ упоминать здѣсь, сколько философъ ревностенъ ко всему тому, что называется честію и добродѣтелью. Гражданское общежитіе есть для него (какъ сказать) божество. Онъ ему жертвуетъ и почитаетъ его добродѣтелью, точнымъ наблюденіемъ своихъ должностей и усердными желаніемъ, чтобъ не быть ему для него безполезнымъ и тягостнымъ членомъ. Чувствіе добродѣтели входитъ столькожъ въ механическое сложеніе философа, какъ и просвѣщеніе разума. Чемъ больше найдешъ ума въ какомъ человѣкѣ, тѣмъ больше и добродѣтели.

Напротивъ того гдѣ царствуетъ неистовство и суевѣрїе, тамъ царствуютъ страсти и ярость. Темпераментъ философа состоитъ въ томъ, чтобъ дѣйствовашь ему по разуму порядка или по уму. Какъ онъ чрезвычайно любитъ общежитїе, то ему болѣе прочихъ людей нужно располагать всѣ свои желанїя къ такимъ дѣламъ, которыябъ сходны были съ понятїемъ честнаго человѣка. Нѣчего опасаться, чтобъ онъ для того, что никто не смотритъ на него, предпрїялъ какое дѣло, противное добродѣтели. Нѣтъ такое дѣйствїе не сходно съ механическимъ расположенїемъ мудреца. Онъ (какъ сказать) воспитанъ въ порядкѣ и правилахъ; онъ наполненъ мыслми о пользѣ гражданскаго общества; онъ знаетъ тому основанїя гораздо лучше другихъ людей. Сердце его неприсїпупно законопреспупленїю; потюму, что многїя его какъ натуральныя, такъ и прїобрѣтенныя имъ понятїя отъ того одерживаютъ. Способность его къ дѣйствїю подобна (какъ сказать) струнѣ музыкальнаго инструмента, настроенной извѣстнымъ голосомъ, такъ что она другаго произвестъ не можетъ. Онъ опасается оказать разность въ своихъ поступкахъ и несогласовать самъ съ собою; и сїе мнѣ приводитъ на память то,

что

что сказалъ Веллей о Катонѣ Утическомъ : онъ дѣлалъ добрыя дѣла всегда, „но никогда для тщеславія, а для того, „что не могъ дѣлать худо.

Сверьхъ того другіе люди ищутъ въ дѣлахъ своихъ собственнаго своего удовольствія. Это добро или паче примана маловременная, которая побуждаетъ ихъ къ такому дѣйствію по механическому расположенію, въ которомъ они находятся. А философъ по своимъ размышленіямъ находитъ больше другихъ людей побужденія и пріятности въ томъ, чтобъ жить съ людьми, пріобрѣтать ихъ довѣренность къ себѣ и почтеніе и исполнять должность дружбы и благодарности. Сіи чувствія воспитанны во внутренности его сердца вѣрою, къ которой доводитъ его натуральное просвѣщеніе разума. Мыслъ нечестнаго человѣка такъ противна мысли философа, какъ и мыслъ глупца ; и ежедневные опыты увѣряютъ насъ, что чемъ болѣе кто имѣетъ ума и просвѣщенія, тѣмъ болѣе онъ способенъ къ общему сожитію. Глупой человѣкъ (говоритъ Рошефуко) не имѣетъ довольно силы, чтобъ быть добрымъ. Люди грѣшатъ для того, что просвѣщеніе ихъ слабѣе страстей ; и то правило богословіи есть въ нѣкоторомъ

разумѣ праведно , что всякой грѣшникъ есть невѣжа.

Сія любовь къ общежитію , такъ существенная философу , показываетъ , сколь праведно то Императора Антонина примѣчаніе : „ что народы будутъ „ тогда благополучны , когда Государи „ философствовать, или философы государствовать будутъ „.

И такъ философъ есть честной человѣкъ , которой поступаетъ во всемъ по разуму, и которой присовокупляетъ къ своей способности размышленія , добронравіе и качества способныя къ общежитію. И ежели какой обладатель здѣлается такимъ философомъ , то онъ будетъ совершенной обладатель.

Изъ сего понятія легко заключить можно , сколько безчувственной стоической мудрецъ отдаленъ отъ совершенства нашего философа ; такой философъ есть человѣкъ, а ихъ мудрецъ былъ не что иное , какъ привидѣніе ; они стыдились человѣчества , а нашъ философъ тѣмъ славится ; они безумнымъ образомъ хотѣли уничтожить страсти и поставить насъ чрезъ химеричную безчувственность выше нашей натуры , а

нашъ

нашь философъ не ищетъ мечтательной чести , чтобъ истребить страсти , потому что сіе не возможно , а старается, чтобъ не быть ими обладаему и употреблять ихъ въ пользу , потому что сіе возможно и что умъ ему сіе повелѣваетъ.

Изъ всего вышеписаннаго явствуетъ еще , сколь удаляются отъ истиннаго понятія философа тѣ нечувствительные люди , которые , предавшись вовсе своимъ размышленіямъ, пренебрегаютъ попеченіе о временныхъ своихъ дѣлахъ и о всемъ томъ , что называется щастіемъ. Истинной философъ не мучится симъ прелюбочестіемъ (l'ambition) , а хочетъ имѣть выгоду въ жизни ; ему надобно , кромѣ необходимо нужнаго , честное излишество, потребное честному человѣку, и по которому одному онъ есть благополученъ : это основаніе благопристойности и пріятности. Тѣ были фальшивые философы , которые по своимъ безчувственнымъ и ослѣпительнымъ правиламъ выдумали сіе предразсужденіе , будто бы для нихъ довольно было одного необходимо нужнаго.

Философской разумъ (нравоученіе) есть дарованіе напуры приведенное въ со-

вер-

вершенство трудомъ, искуствомъ и привычкою, чтобъ разсуждать здраво о всѣхъ истиннахъ. Когда кто имѣетъ въ семъ разумѣ превосходство, то онъ въ томъ человѣкѣ производитъ удивительное разумѣнїе, силу умствованїя, вкусъ благонадежной и размыслительной въ томъ, что есть хорошаго и худаго на свѣтѣ; онъ служитъ правиломъ къ познанїю истинны и красоты. Нѣтъ лучшаго изъ трудовъ человѣческихъ, какъ тотъ, которой одушевляется симъ разумомъ: отъ него особливо зависитъ слава словесныхъ наукъ. Однако какъ жребїемъ сего разума пользуются весьма не многїе изъ ученыхъ людей, то не можно и не нужно для благопоспѣшествованїя наукъ, чтобъ дарованїе такъ рѣдкое находилось во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые въ нихъ упражняются. Довольно для цѣлаго какого народа, чтобъ только великїе духи имѣли въ немъ превосходство, и чтобъ преимущество ихъ въ семъ разумѣ дѣлало ихъ судїями вкуса, прорицателями критики и раздѣлителями славы въ учености. Сей философской разумъ, пребывая отличнымъ образомъ въ маломъ числѣ людей, распуститъ, (какъ сказать) свое втеченїе во все общество народа, во всѣ дѣла человѣческаго разума и рукъ, а особливо во всѣ

ученыя

ученыя дѣла. А ежели только выгнать искуства и науки, то чрезъ то истребится сей философской разумъ, которой ихъ производитъ, и тогда не видно будетъ никого способнаго произвесть превосходство въ чемъ либо, и науки приведенныя въ презрѣніе ослабѣвать будутъ въ запамѣніи.

ЛОГИКА (философія). Логика есть наука, которая показываетъ какъ размышлять прямо, или какъ употреблять пристойнымъ образомъ способности нашего разума въ опредѣленіи истинны, раздѣленіи ея и умствованіи объ ней. Сіе слово взято изъ Греческаго языка и значитъ разговоръ; потому что размышленіе есть не что иное, какъ нѣкоторой образъ внутренняго и мысленнаго разговора, въ которомъ человѣческой разумъ обращается самъ съ собою.

Логика называется часто діалектикою, а иногда также наукою правилъ, служащихъ намъ руководствомъ въ нашихъ умствованіяхъ.

Какъ для правильнаго размышленія необходимо нужно хорошо понимать, хорошо разсуждать, хорошо умствовать, и порядочно связывать свои понятія; то слѣдуетъ изъ сего, что понятіе, разсужденіе, умствованіе и порядокъ ученія суть четыре главныя части сей науки, и что размышленія наши о четырехъ сихъ дѣйствіяхъ разума составляютъ логику.

Лордъ

Лордъ баконъ выводитъ раздѣленіе логики на четыре части изъ четырехъ намѣреній, которыя въ ней предполагаются; для того что человѣкъ умствуетъ, или для изобрѣтенія того, что онъ ищетъ, или для размышленія о томъ, что онъ изобрѣлъ, или для соблюденія въ памяти того, о чемъ онъ разсуждалъ, или для наученія другихъ тому, что онъ соблюлъ въ памяти, и отъ сего происходитъ столько частей науки умствованія; то есть искуство изслѣдованія, или изобрѣтенія, искуство экзамена или разбора, искуство соблюденія въ памяти и искуство выраженія.

Какъ предъ симъ логика много употребляема была во зло, то для того она теперь пришла въ нѣкоторое пренебреженіе. Школьные учители обременили ее такимъ множествомъ словъ и рѣчей варварскихъ, и такъ ее погрузили въ пустыя и безплодныя тонкости, что она кажется больше искуствомъ способнымъ къ упражненію разума въ распряхъ и спорахъ, нежели наукою способствующею къ правильному размышленію. Правда, что она въ своемъ началѣ была больше искуство спорить ни о чемъ, нежели наука умствованія. Греки, у которыхъ началась сія наука, будучи охотники

тники къ краснорѣчїю и къ знанїю, какъ защищать два вида въ одномъ мнѣнїи, чтобъ имѣть всегда оружїе во время нужды, (отъ чего произошли ихъ діалектики) выдумали множество невѣдомо какихъ словъ, способныхъ больше къ распрѣ и спору, а не правила умствованїя, которыя бы въ сей наукѣ служить могли съ дѣйствительною пользою.

Логика тогда была не что иное, какъ только знанїе словъ, которыя часто не имѣли въ себѣ никакого разума, и были весьма способны къ прикрытїю невѣжества, вмѣсто приведенїя разсужденїя въ совершенство, къ игрушкѣ ума, нежели къ его утвержденїю, къ обезображенїю истинны, нежели въ ея изъясненїю. Говорятъ, что первое къ сему основанїе положено Зенономъ Элейскимъ, которой жилъ около 400 лѣтъ прежде рождества Христова. Перипатетики и Стоики взвели на его основанїи ужаснсе зданїе, да только, что оно имѣло весьма мало крѣпости. Діогенъ Лаэрцїй написалъ въ житїи Зеноновомъ сокращенїе Стоической діалектики, гдѣ довольно находится химеръ и тонкостей безполезныхъ къ приведенїю умствованїя въ совершенство. Извѣстно что древнїе мудрецы старались, чтобъ имъ въ спорахъ

НИКО-

никогда не оставаться побѣжденными; и для того они о всякихъ матеріяхъ согласно и вопреки имъ съ одинаковою легкостію спорили. И такъ они въ деалектикѣ находили неизчерпаемой источникъ къ сему лестному искусству и присвоялли все къ сему употребленію. Сіе наслѣдіе у школьныхъ учителей не осталось безплоднымъ; они привели въ приращеніе доспойныя смѣху дѣла ихъ предковъ. Общеспивенности категоріи (universaux Categories) и другія ученыя безделицы составляли существо логики и предметъ всѣхъ размышленій и всѣхъ споровъ. Вотъ въ какомъ состояніи была логика съ начала своего по прошедшій вѣкъ! И вотъ что ее привело въ такое безславіе, что многіе еще люди не могутъ имѣть объ ней хорошаго мнѣнія. И по справедливости признаться должно, что ученіе сей науки таково, каково и нынѣ еще въ школахъ продолжается, не мало способствуетъ къ утвержденію того презрѣнія, которое многіе люди имѣютъ къ ней.

И хотя или застарѣлое почтеніе, или другая какая подобная мечта склоняетъ насъ еще къ древнимъ, однако то извѣстно, что споры древнихъ школъ, ни чего несодержащіе въ себѣ, ведутся

еще и въ нашихъ, и что въ нихъ обучаютъ философіи такъ, какъ бы нарочно старались сдѣлать ее смѣшною и отнять у людей вкусъ къ ней невозвратно. Когда только приняться за вздоры, которые преподаются въ университетахъ, то не найдемъ ли мы въ нихъ всѣхъ сихъ безумныхъ вопросовъ.

То есть: философія взятая совокупительнымъ, или раздѣлительнымъ образомъ пребываетъ ли въ разумѣ, или въ волѣ?

Существо одногласно ли есть въ разсужденіи существенности, или такой вещи, которая имѣетъ въ себѣ дѣйствующую силу (la substance) и случайности (l' accident)?

Адамъ зналъ ли философію привычную (habituelle)?

Логика учащая особенная отлична ли отъ логики практической привычной?

Степени метафизическіе въ единственной вещи отличны ли суть дѣйствипельно, или только по добродѣтели и умствованію?

Соот-

Соотвѣтствїе между отцомъ и его сыномъ ограничиваетсяли при семъ сынѣ, разсуждаемомъ совершеннымъ образомъ (abſolument) или при семъ сынѣ разсуждаемомъ зависящимъ образомъ (relativement) ?

Можно ли доказать , что находятся около насъ тѣла , дѣйствительно пребывающїя ?

Матерїя вторая, или стихїя чувствительная находится ли въ составѣ смѣшенномъ ?

При поврежденїи смѣшенной матерїи бываетъ ли разрѣшенїе даже до самой первоначальной матерїи ?

Всякая добродѣтель полагается причинно ли, или лично въ срединѣ между дѣломъ худымъ по излишеству , и между дѣломъ худымъ по недостатку?

Число пороковъ равно ли, или двойное въ разсужденїи числа добродѣтелей ?

Конецъ движетъ по своему существу вещественному ли, или по своему существу намѣрятельному (intentionné)?

Я не хочу наскучить читателю описанїемъ многихъ другихъ вопросовъ , которые

рые не меньше сихъ смѣшны и которыми упражняемъ былъ разумъ молодыхъ людей. Нѣкоторые хотятъ оправдать сіи вопросы, говоря, что упражненіе въ нихъ весьма полезно и что они приводятъ въ тонкость разумъ: пускай это такъ будетъ; но ежели всѣ сіи вопросы, такъ отдаленные отъ нашихъ нуждъ, подаютъ какое либо проницаніе и пространство разуму, которой въ нихъ упражняется, то это вовся не для того, что ему подаются правила умствованія, но единственно для того, что ему дается упражненіе; а полагая одно упражненіе вмѣсто другаго и разсуждая краткость жизни человѣческой, не лучше ль бы было упражнять разумъ и всѣ дарованія въ нужныхъ вопросахъ и въ матеріяхъ познаваемыхъ опытами? Нѣтъ такого человѣка, которой бы не чувствовалъ, что сіи матеріи приличествуютъ всякому состоянію, которыя бы молодые люди понять могли скоро, и что будетъ уже весьма поздо хотѣть научить ихъ тогда, какъ они заняты будутъ нужнѣйшими по своему состоянію дѣлами.

Не простителенъ школьнымъ учителямъ такой ихъ невразумительной языкъ, и все то множество пустыхъ и дѣтскихъ вопросовъ, которыми они забавля-

бавляютъ своихъ питомцовъ, а особ-
ливо съ того времени, какъ нѣкоторые
люди вдохновенные щастливыми даро-
ваніями, и снабдѣнные острымъ и про-
ницательнымъ умомъ начали очищать и
приводить въ совершенство тотъ языкъ,
и научать говорить языкомъ праведнѣй-
шимъ и полезнѣйшимъ.

Картезій, истинной возобновитель умствованія, былъ первой, которой ввелъ новой въ немъ порядокъ, гораздо лучшей, и самой его философіи, которой не малая часть есть фальшива, или весь-ма сумнительна по собственнымъ его правиламъ. Ему мы одолженны тою точностію и истинною, которыя видимы въ нашихъ хорощихъ сочиненіяхъ, не толь-ко физическихъ и метафизическихъ, но еще въ нравоучительныхъ, критическихъ, и касающихся до вѣры. Вообще порядокъ ученія и основанія Картезіевы весьма по-лезны, для того; что они научаютъ насъ точнѣйшему разбору словъ и поня-тій, чтобъ тѣмъ благонадежнѣе вступить на путь истинны.

Порядокъ ученія Картезіевъ родилъ логику, называемую науку размышле-нія. Сіе сочиненіе удерживаетъ навсегда свою славу. Время, которое истребля-етъ все, подкрѣпляетъ безперерывно воз-

даваемое ему почтенїе. Сїе сочиненїе достойно почтенїя особливо для того, что оно очищено отъ многихъ пустыхъ вопросовъ. Матерїи полезныя для логиковъ того времени, когда вышло сїе сочиненїе, преподаны въ немъ вразумительнѣйшимъ языкомъ, нежели какъ онѣ были на французскомъ языкѣ. Онѣ предложены тамъ полезнѣе по употребленїю правилъ къ разнымъ истиннамъ, которыя часто случаются какъ въ наукахъ, такъ и въ гражданскомъ общежитїи, вмѣсто того что обыкновенные логики не употребляли правилъ ни къ чему для людей полезному. Многїе примѣры, предложенные тамъ весьма хороши и способны къ возбужденїю разума человѣческаго ко вниманїю и къ удержанїю въ памяти правилъ. Многїя Картезїевы размышленїя вмѣщены тамъ къ облегченїю труда тѣмъ людямъ, которые бы не могли легко сыскать ихъ въ сочиненїяхъ сего философа.

Послѣ сей науки размышленїя издано въ свѣтъ много хорошихъ сочиненїй въ семъ родѣ. Два славныя сочиненїя то есть Г. Лока о разумѣ человѣческомъ и Г. Маллебранхїя объ изслѣдованїи истины содержатъ въ себѣ многїя истины, которыя способствуютъ къ совершенству Логики.

Г. Локъ первой предпрiялъ разборъ дѣйствiй разума человѣческаго, не слѣдуя въ томъ мнѣнiямъ, основаннымъ больше на системахъ, нежели на веществѣ, а выводя ихъ безпосредственно изъ натуры; по чему философiя его кажется быть въ разсужденiи Картезiевой и Маллебранхiевой философiи такова, какъ исторiя въ разсужденiи романа. Онъ разбираетъ всякую истинну самыми простыми понятiями, чтобъ вывесть по малу изъ того полезныя истинны. Онъ показываетъ фальшь во многихъ Картезiевыхъ основанiяхъ, чрезъ посредство разбора тѣхъ понятiй, которыя перемѣнить надлежало. Онъ умно отличаетъ понятiе о разумѣ отъ понятiя объ умѣ; разумъ собираетъ скоро понятiя, которыя имѣютъ между между собою какое либо сходство, чтобъ изобразить ихъ прiятнымъ образомъ; а умъ изслѣдываетъ и самую малѣйшую разность между понятiями, которыя въ прочемъ имѣютъ между собою великое сходство: можно имѣть много разума, а мало ума. Что касается до простыхъ понятiй, то Г. Локъ наблюдаетъ разсудительно, что люди мало разнятся въ своихъ мнѣнiяхъ о семъ дѣлѣ, а разнятся только въ словахъ, которыя кто принялъ. Можно сказать вообще о семъ авторѣ, что

онъ оказываетъ склонность къ истинѣ, которая заставляетъ любить тѣ средства, которыя употребляетъ онъ къ достиженію истинны.

А что касается до отца Малле-бранхія, то слава его между философ-ствующими такъ была велика, что кажется то безполезно, чтобъ примѣчать въ чемъ превзошелъ онъ другихъ философовъ. Сперва онъ былъ только простой Картезіянецъ, но потомъ въ свое время такъ просвѣтилъ ученіе Картезіево, что, будучи ученикъ его, лучше распространилъ ученіе его живостію своего воображенія, и пріятностію своихъ выраженій, нежели какъ то здѣлалъ учитель его своими умствованіями, и разныхъ системъ изобрѣтеніемъ.

Великое отца Маллебранхія дарованіе состояло въ томъ, что онъ могъ выводить изъ одного мнѣнія все то, что можно вообразить себѣ къ произведенію слѣдствій, и что онъ могъ основанія къ тому представить такимъ образомъ, что смотря на нихъ съ той стороны, съ которой онъ показываетъ ихъ, ни коимъ образомъ не можно на то не склониться.

Тѣ, которые не слѣдуютъ слѣпо сему философу, говорятъ, что не надобно ничего болѣе, какъ только одержжать его на первомъ шагѣ; что это самой лучшей и самой кратчайшей способъ, какъ опровергнуть его мнѣніе и явственно увидѣть, что должно думать объ его основаніяхъ. Они приводятъ тѣ основанія въ число пяти или шести. При чемъ надобно примѣчать то, что ежели ему дозволить тѣ основанія однажды, то уже принуждено будетъ слѣдовать съ нимъ далѣе и по неволѣ. Онъ весьма ясно показываетъ трудности того мнѣнія, которое опровергаетъ, и при помощи оказываемаго къ тому мнѣнію презрѣнія предлагаетъ онъ свое съ пріятнѣйшей его стороны, а потомъ безъ всего почитаетъ его за неопровергаемое, не видя, или кажучись, будто не видитъ, въ чемъ можно и должно ему противорѣчить.

Кромѣ сихъ сочиненій имѣемъ мы довольное число формальныхъ, или нарядныхъ логикъ. Превосходнѣйшая изъ нихъ есть логика Г. Леклерка, которая имѣетъ великое преимущество предъ многими другими въ томъ, что, будучи гораздо короче другихъ, содержитъ въ себѣ много полезныхъ истинъ. Сочинитель

ея показываетъ въ ней безполезность многихъ правилъ, находящихся въ обыкновенныхъ логикахъ, и изъясняетъ ихъ весьма тонко. Онъ учинилъ начертаніе (plan) своему сочиненію въ послѣдованіе книгѣ о разумѣ человѣческомъ Г. Лока, которому онъ приписывая свой трудъ, признается, что чрезъ его здѣлалъ сокращеніе изъ его сочиненія. Онъ говоритъ тамъ о натурѣ и происхожденіи понятій точнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ образомъ, нежели какъ то здѣлано въ прежнихъ логикахъ. Онъ выбралъ все то, что есть лучшаго въ логикѣ, называемой наукою размышленія. Онъ употребляетъ тамъ полезные примѣры; но заимствуя изъ вышеписаннаго сочиненія, что есть лучшаго въ его логикѣ, не говоритъ ни чего, чтобъ служило къ откровенію учиненныхъ тамъ погрѣшностей. Желательнобъ было, чтобъ онъ не слѣдовалъ Локу въ темныхъ его мѣстахъ, и въ размышленіяхъ отдаленныхъ какъ отъ общаго мнѣнія, такъ и отъ основаній нравоученія.

Намѣреніе, которое предположилъ себѣ въ своей книгѣ Г. Крузасъ, есть важно. Онъ объявляетъ, что собралъ въ ней основанія, правила и наблюденія, которыя могутъ подать разуму больше обширности, силы и способности къ позна-

познанїю , откровенїю и сообщенїю другимъ истинны. Такимъ образомъ сїе намѣренїе, нѣсколько пространное для одной простой логики , содержитъ въ себѣ самыя нужныя метафизическїя истинны. Сочинитель сей книги хотѣлъ собрать мнѣнїя разныхъ тогдашняго времени философовъ о разныхъ дѣйствїяхъ разума. Изъ достойныхъ примѣчанїя книгъ нѣтъ ни одной , громѣ книги Г. Лока , на которую бы Г. Крузасъ не обратилъ своего вниманїя. Въ сей книгѣ есть многїя тонкїя мѣста , которыя доводятъ до тонкихъ размышленїй. Но многїя въ ней размышленїя не довольно изъяснены , и содержащїяся тамъ истинны кажутся не хорошо выведены изъ предъидущаго , и не довольно подкрѣплены послѣдующимъ. Пренебреженное тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ выраженїе многоумаляетъ ясности, которой требуютъ такїя отдѣленныя матерїи (les matieres abſtraites). Сїе сочиненїе получило разные виды и многїя приращенїя въ рукахъ своего сочинителя. Похвалы Г. Фонтенелла разсѣянныя тамъ не мало споспѣшествуютъ къ украшенїю его и распещренїю. Изданїе сей книги въ 1712 году въ двухъ махъ въ 12 долю для учащихся есть самое лучшее ; попому что въ немъ наименьше

меньше находится тѣхъ украшенiй , въ которыхъ другiя кажутся погруженными.

Таковы суть разсужденiя , которыя отецъ буфлеръ произвелъ о всѣхъ сихъ разныхъ логикахъ. Основанiя его умствованiя составляютъ хорошую логику. Онъ особливо отличилъ весьма хорошо логическую истинну отъ той , которая свойственна другимъ наукамъ. Во всѣхъ сочиненiяхъ сего отца много новаго и подлиннаго , то есть не заимаго (l'original) ; и онъ зналъ нѣкоторой образъ энциклопедiи , которую содержитъ въ себѣ сочиненiе его въ листъ названное курсомъ наукъ (cours des ſciences.) Прiятность штиля въ сей книгѣ дѣлаетъ ее забавною , хотя она содержитъ въ себѣ по справедливости самыя трудныя науки. Онъ нашелъ средство перемѣнить тернiе трудности ихъ въ цвѣты , и то , что они имѣли въ себѣ обременительнаго , въ увеселенiе воображенiю. Не можно ничего прибавить къ той точности и связи умствованiй и противорѣчiй , которыми онъ наполнилъ каждую изъ предлагаемыхъ имъ истиннъ. Легкой , а можетъ быть, и веселой способъ, которымъ онъ предлагаетъ матерiю , подаетъ много ясности самымъ отдѣленнымъ истиннамъ.

Г.

Г. Вольфъ подвелъ подъ основанія и правила логики доказательства. Нѣтъ никакова сочиненія о сей наукѣ въ лучшей точности, какъ большая латинская логика сего философа; у которой титулъ (Philoſophia rationalis, ſive logica methodo ſcientifica pertractata, et ad uſum ſcientiarum atque vitae aptata. Ptaemittitur diſcurſus praeliiminaris de philoſophia in genere) философія умственная, или логика сочиненная порядкомъ ученымъ и приноровленная къ употребленію въ наукахъ и человѣческой жизни. Въ сей книгѣ положенъ въ началѣ предувѣдомительной разговоръ о философіи вообще.

Не много времени спустя потомъ вышла книга подъ титуломъ: опытъ начала познаній человѣческихъ (eſſai ſur l' origine des connoiſſances humaines). Сію книгу сочинилъ Аббатъ де Кондиллакъ, по системѣ Г. Лока, но весьма исправнѣе. Сего Автора не можно порочить такъ, какъ Г. Леклерка, что онъ здѣлался раболѣпствующимъ Аглинскаго сочинителя копіистомъ. Связность Французскаго сочиненія отняла все пространство, повторенія и безпорядокъ, которые находятся въ Аглинскомъ сочиненіи, а ясность, обыкновенно пребывающая при связности, разлила живой

и сильной свѣтъ на всѣ темныя и замѣшанныя мѣста въ подлинникѣ. Сочинитель сей книги предполагаетъ себѣ въ ней, по примѣру Г. Лока, испытаніе человѣческаго разума, не для откровенія его натуры, а для познанія его дѣйствій. Онъ наблюдаетъ, съ какимъ искусствомъ онѣ переплетаются, и какъ мы должны употреблять ихъ, чтобъ пріобрѣсть всевозможное намъ разумѣніе. Онъ, восходя къ началу понятій, разбираетъ ихъ происхожденіе и слѣдуетъ за ними даже до предѣловъ, которые имъ натура предписала, и означаетъ чрезъ то пространство и границы познаній нашихъ. Связь понятій какъ со знаками, такъ и между самыми ими составляетъ основаніе его системы. Помощію сего основанія, такъ простаго въ самомъ себѣ, и такъ изобильнаго въ своихъ слѣдствіяхъ, показываетъ онъ, какой есть источникъ нашихъ познаній, какіе у него матеріалы, какъ они употреблены въ дѣло, какіе къ тому инструменты надобны и какимъ способомъ употреблять ихъ должно. Сіе основаніе есть ни предложеніе сумнительное, ни правило отдѣленное, ни положеніе произвольное, а опытъ вѣрной, коего всѣ слѣдствія подтвержденны новыми опытами. Онъ для исполненія своего намѣренія береть вещи

отъ такъ высокаго начала, какъ ему возможно. Съ одной стороны восходитъ онъ до понятія, какъ до первоначальнаго дѣйствія, которое примѣтитъ можно въ душѣ и показываетъ какъ, и въ какомъ порядкѣ производитъ она и всѣ другія дѣйствія. Съ другой стороны начинаетъ онъ отъ языка дѣйствія. Онъ изясняетъ, какъ тотъ языкъ произвелъ всѣ искусства способныя къ выраженію нашихъ мыслей : искуство тѣлодвиженія (l'art des geſtes) танцованье, слово, восклицаніе, искуство, какъ его примѣчать, искуство комедіянское, музыку, поэзію, краснорѣчіе, писаніе и разныя свойства языковъ. Сія исторія языка служитъ къ показанію обстоятельствъ, въ которыхъ сіи знаки выдуманы ; она показываетъ прямой ихъ разумъ, научаетъ предупреждать въ нихъ злоупотребленіе и не оставляетъ никакова сумнѣнія о началѣ понятій. Наконецъ, истолковавши успѣхъ дѣйствій души и языка, показываетъ онъ, чрезъ какое средство можно убѣжать отъ погрѣшности, и показываетъ дорогу, по которой должно слѣдовать, какъ для учиненія новыхъ изобрѣтеній, такъ и для наученія другихъ тѣмъ, которыя уже найдены. По мнѣнію сего автора чувствованія и дѣйствія нашей души суть ма-

теріялы всѣхъ нашихъ познаній, а размышленіе употребляетъ ихъ въ работу, ищучи, чрезъ совокупленіе ихъ, тѣхъ сходствъ, которыя они въ себѣ имѣютъ. Тѣлодвиженія, гласы, цыфри и буквы суть орудія, которыя какъ ни странны для нашихъ понятій, однако душа употребляетъ ихъ, чтобъ довесть насъ до самыхъ вышнихъ познаній. Сію необходимую связь знаковъ съ нашими понятіями, Баконъ подозрѣвалъ, Локъ усмотрѣлъ, и основательно изслѣдовалъ. Г. Локъ вздумалъ что душа, какъ только получитъ понятія чрезъ чувства, можетъ ихъ тотчасъ по своей волѣ повторить, сложить, соединить вмѣстѣ съ безконечнымъ различіемъ, и здѣлать изъ нихъ разнообразныя сложныя понятія. Но извѣстно, что мы въ младенчествѣ испытываемъ чувствованія, за долго прежде того, пока узнаемъ производить понятія. И какъ по сему душа съ младенческихъ лѣтъ не можетъ производить всѣхъ своихъ дѣйствій, то, въ разсужденіи сего и для лучшаго откровенія источниковъ разума человѣческаго, необходимо надобно показать, какъ она пріобрѣтаетъ сію способность дѣйствія и какой въ томъ бываетъ успѣхъ. Г. Локъ (какъ сказалъ я выше сего) усмотрѣлъ только сіе, и не видно, чтобъ кто

порочилъ

порочилъ его за то, или покусился пополнить сію часть его сочиненія. Наконецъ въ заключеніе того, что мнѣ слѣдуетъ сказать о семъ сочиненіи, объявлю я, что главное его достоинство состоитъ въ томъ, что оно написано основательно, выработано съ тѣмъ рѣшительнымъ разумомъ, и съ тою связью понятій (которые предложены тамъ, какъ основаніе самое простое, самое ясное и самое изобильное), которымъ умъ человѣческой одолженъ всѣми своими успѣхами, хотя онъ впеченія ихъ въ себя и не примѣчаетъ.

Какъ ни разные виды получала логика въ разныхъ пѣхъ рукахъ, которыя около ее трудились; однако всѣ согласны въ томъ, что она есть не что иное, какъ порядокъ ученія, помощію котораго можно узнать истинны, и остеречься отъ фальши, въ какой бы то ни было вещи: и для того она названа орудіемъ истинны, ключемъ наукъ и предводителемъ человѣческихъ познаній. И такъ кажется, что она совершенно исполнитъ свои должности, когда только хорошо управлять будетъ нашимъ разумомъ, а въ семъ и состоитъ (какъ кажется) единственной ея конецъ.

Ежелибъ я имѣлъ искуство разсуждать здраво о всѣхъ вещахъ, въ которыхъ мой умъ можетъ поучаться, то безъ сомнѣнія имѣлъ бы я изъ того логику всеобщую. А когда бы и при семъ можноб было себѣ вообразить, что нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ никакова правила для управленія перваго и трепьяго дѣйствія человѣческаго разума, а только одно простое представленіе предметовъ и заключеніе силлогизмовъ; то бы логика моя чрезъ то ничего не потеряла. Изъ сего явствуетъ, что или первое и третее дѣйствія человѣческаго разума существенно не что иное суть, какъ только разсужденіе, какъ въ своей цѣлости, такъ и въ своихъ частяхъ, или по крайней мѣрѣ первое и другое дѣйствія клонятся самы къ разсужденію, какъ къ крайнему ихъ концу или намѣренію. Такимъ образомъ имѣлъ бы я право заключить, что крайній конецъ, или намѣреніе логики состоитъ въ управленіи нашихъ разсужденій, и въ наученіи насъ хорошо разсуждать, такъ чтобъ все прочее, что принадлежитъ къ ней, клонилось единственно къ сему намѣренію. И такъ разсужденіе есть единой конецъ логики. Великое множество философовъ противятся сему мнѣнію и говорятъ, что логика имѣетъ себѣ конъ-

цомъ, или намѣреніемъ четыре дѣйствія человѣческаго разума; но для показанія такой ихъ погрѣшности надобно только изъяснить слово (fin), то есть намѣреніе, или конецъ.

Нѣкоторые представляютъ себѣ логику (и по пропорціи другія науки и искуства), какъ нѣкоторое совершенное разумѣніе, или нѣкоторое божество, которое предписываетъ извѣстные законы, которымъ долженъ подвергаться свѣтъ: однако сіе мнимое божество есть мечта. Чтожъ есть въ самой вещи логика? Она есть не что иное, какъ собраніе размышленій написанныхъ, или ненаписанныхъ, названыхъ правилами, чтобъ облегчить и направить, человѣческой разумъ производить свои дѣйствія такъ хорошо, какъ ему возможно. Вотъ что значитъ прямо логика! Теперь надобно знать, что есть конецъ? Онъ есть то намѣреніе, которое достичь предполагаетъ себѣ разумное существо.

По сему положенію ежели спросить, что логика имѣетъ ли своимъ концомъ, или намѣреніемъ такія, и такія дѣйствія души? то это будетъ спрашивать: собраніе размышленій написанныхъ,

и не написанныхъ имѣетъ ли своимъ концомъ или намѣреніемъ такую, или такую вещь. Какой разумъ имѣть можетъ такое предложеніе? И такъ это суть не размышленія самы, или ихъ собраніе, которыя имѣть могутъ намѣреніе, а единственно тѣ люди, которые производятъ, или произвели тѣ размышленія, то есть это не логика, которая имѣетъ, или можетъ имѣть какое намѣреніе, а единственно логики.

Я знаю, что говорятъ обыкновенно при такомъ случаѣ, что намѣреніе есть иное логики, а иное логика, иное сочиненія (finis operis), а иное сочинителя (finis operantis). Я знаю что говорятъ такъ обыкновенно; но знаю также, что часто сія рѣчь не значитъ ни чего того, что себѣ чрезъ ее воображаютъ. Какое намѣреніе и какое предпріятіе предполагаетъ себѣ можетъ сочиненіе: и такъ въ словѣ намѣреніе нѣтъ ни какова опредѣленнаго разума, когда оно придается вещамъ бездушнымъ, а не лицамъ, которыя однѣ могутъ имѣть и предполагать себѣ намѣренія.

Какой же будетъ прямой разумъ сихъ словъ: намѣреніе сочиненія (finis operis)? Онъ содержитъ въ себѣ намѣреніе, тѣхъ людей

людей, которые упражняются въ такихъ сочиненіяхъ, а намѣреніе сочинителя (finis operantis) есть особенное намѣреніе, которое предполагаетъ себѣ кто упражняющійся въ такомъ сочиненіи. Кромѣ общаго намѣренія, которое обыкновенно предполагается въ такомъ разумѣ, можно сказать, что намѣреніе живописи состоитъ въ представленіи чертами и красками тѣлесныхъ предметовъ, потому что такое намѣреніе вообще имѣютъ тѣ, которые трудятся въ живописи, вмѣсто того, что намѣреніе живописца бываетъ особенное, кромѣ сего общаго, то есть чтобъ достать деньги, приобрѣсть славу, или просто чтобъ позабавиться. Но въ какомъ бы разумѣ ни брать намѣреніе науки, то оно будетъ то, которое предполагаетъ себѣ, не сама наука; которая есть собраніе размышленій, немогущихъ предположить себѣ намѣренія, а человѣкъ, который училъ другихъ, или самъ учился той наукѣ.

Такимъ образомъ изъяснивши сіе, надобно разобрать тотъ вопросъ: какое есть намѣреніе логики? Онъ рѣшится такъ: какое есть намѣреніе то, которое обыкновенно предполагали себѣ тѣ люди, которые подали правила и собрали размышленія, которыя называются наукою логики.

логики. Такимъ образомъ найдется по сему вопросу, что столько есть разныхъ намѣреній логики, сколько было разныхъ логиковъ.

Какъ большая часть логиковъ подали правила, и направили свои размышленія по виду и дѣйствію силлогизмовъ, то въ семъ разумѣ намѣреніе логики будетъ образъ сочиненія силлогизмовъ по всѣмъ образамъ и фигурамъ, которыхъ хитрость извѣсняется въ школахъ. Но такая логика, которой сочинитель почитаетъ за ненужное дѣло собраніе правилъ и размышленій, потребныхъ къ сочиненію силлогизмовъ по всѣмъ образамъ и фигурамъ, логика такого свойства, говорю я, совсѣмъ не имѣетъ намѣренія обыкновенной логики, потому что сочинитель ея не предполагалъ себѣ такова намѣренія.

Однако въ прочемъ есть одно намѣреніе, общее всѣмъ логикамъ, то есть, чтобъ постигать всегда внутреннюю истинну, то есть прямую связь понятій, для произведенія истинныхъ разсужденій, а не наружную, которую обыкновенные логики смѣшали съ внутреннею истинною, что ихъ довело до незнанія, какое есть, или должно быть особенное намѣреніе логики. Так-

Также вопрошается, логика въ числѣ ли наукъ? На сей вопросъ легко отвѣчать можно. Логика стóитъ сего титула, ежели называть наукою всякое непогрѣшительное познаніе, пріобрѣтенное помощію нѣкоторыхъ размышленій или правилъ; потому что имѣя познаніе логики, можно безъ погрѣшности различить истинное слѣдствіе отъ фальшиваго.

Но ежели спрашивается искусство ли (art) логика? Сей вопросъ также легко рѣшить можно, какъ и прежней. Она можетъ быть или то, или другое, смотря по разуму, въ которомъ употребляется слово искусство. Одни называютъ искусствомъ только то, что имѣетъ у себя составные или вещественные (materiel) предметы; а другіе называютъ искусствомъ всякую способность пріобрѣтенную, которая заставляетъ насъ производить нѣкоторыя душевныя, или тѣлесныя дѣйствія, посредствомъ нѣкоторыхъ правилъ, или размышленій. О семъ логикамъ угодно спорить, что логика искусство ли, или неискусство, а то имъ не угодно, чтобъ признаться и показать своимъ ученикамъ, что это голой дѣтской вопросъ только объ одномъ имени.

Ещe въ школахъ предлагаютъ другой вопросъ, то есть: надобна ли логика ученiемъ пріобрѣтенная или ученая (artificielle) для познанія всѣхъ наукъ въ ихъ совершенствѣ. Для отвѣту на сей вопросъ надобно только изслѣдовать то, что есть логика ученая? И какъ она есть собранiе наблюденiй и правилъ, сочиненныхъ для управленiя дѣйствiй нашего разума, и для того она къ тому вовся ненадобна; а для чего? для того что намъ, чтобъ нашъ разумъ дѣйствовалъ хорошо, нѣтъ нужды учиться, какъ онъ въ томъ успѣваетъ. Это орудiе, которое создалъ богъ и создалъ его очень хорошо. Весьма безполезно разбирать метафизически, что есть разумъ и изъ какихъ частей онъ сосплавленъ. Это бы подобно было тому, ежели бы кто для того, чтобъ научиться ходить, вздумалъ разрѣзать на части ногу. Разумъ нашъ и ноги наши отправляютъ свою должность весьма хорошо безъ сихъ анатомiй и предисловiй, надобно только употреблять ихъ въ дѣло, не требуя отъ нихъ болѣе, какъ сколько они могутъ. Сверхъ того ежели бы разумъ не могъ хорошо производить своихъ дѣйствiй безъ помощи ученой логики, то онъ не могъ бы быть удостовѣренъ, что правила, которыя онъ издалъ, хорошо

ли сочинены. Наконецъ мы утверждаемъ, что силлогизмы къ откровенію испинны ни мало не нужны (смотри силлогизмы).

Логика раздѣляется на учащую и дѣятельную (docente et utente). Учащая логика есть познаніе правилъ логическихъ, а логика дѣятельная есть употребленіе самыхъ тѣхъ правилъ въ дѣло. Можно назвать первую изъ нихъ теоретическою, а другую практическою: и онѣ имѣютъ взаимную одна въ другой нужду. Правила понятыя и выученныя скоро выходятъ изъ головы, безъ частаго ихъ употребленія въ дѣло, подобно танцамъ и манежѣ, которыя легко забываются, когда ихъ перестанетъ кто употреблять. Иной почитаетъ себя логикомъ, что онъ прошолъ курсъ логики, а когда прійдетъ до дѣла, то логика его явится недостаточна; а для чего? для того что онъ посѣялъ хорошое сѣмя, да худо его проборонилъ.

Надобно также сказать, что успѣхъ ученой логики много зависитъ отъ натуральной. Логика натуральная перемѣняется, и находится у людей въ разныхъ степеняхъ. Иной бываетъ натурально проворнѣе и сильнѣе своего това-

рища, такимъ же образомъ бываетъ иной лучшей логикъ, то есть имѣетъ больше откровенія въ разумѣ и основательности въ разсужденіи.

Опыты утверждаютъ, что изъ двенатцати учениковъ, которые учились одной наукѣ и у одного учителя, будетъ всегда между ими степенное различіе, которое происходитъ отчасти отъ разума, а отчасти отъ воспитанія; потому что и логика натурою пріобрѣтенная также имѣетъ свои степени. Изъ двухъ человѣкъ, имѣющихъ одинаковъ разумъ, иному случится имѣть или меньше вниманія къ его ращенію, или не столько способныя обстоятельства. И сіе различіе расположеній какъ натуральныхъ, такъ и пріобрѣтенныхъ, съ которыми приступаютъ разные люди къ ученію ученой логики, опредѣляетъ успѣхъ такова ученія.

ДІАЛЕКТИКА (смотри философію) учитъ какъ прямо умствовать и спорить. Слово дїалектика происходитъ отъ Греческаго языка и значитъ разговоръ.

Зенонъ Элейской первой открылъ слѣдствїе натуральное основанїй и заключенїй, которое наблюдается въ умствованїи; онъ здѣлалъ изъ него науку подъ видомъ разговора, которая по сей причинѣ названа дїалекпикою (смотри умствованїе также и логику).

Дїалектика у древнихъ раздѣляется на многїе образы, первая была Зенона Элейскаго, названная по сему Элейскою. Элейская дїалектика раздѣлена была на три части то есть: на дїалектику слѣдствїй, дїалектику разговоровъ и дїалектику споровъ. Первая дїалектика состояла въ правилахъ, которыя показываютъ выводъ заключенїй, другая въ искусствѣ разговора, которой вообще здѣлался такъ употребителенъ въ философїи,

фіи, что всякое умствованіе называлось вопросомъ. Философы тогда оставляя силлогизмъ, употребляли только одинъ разговоръ, а отвѣтствующій долженъ былъ заключать и разговаривать вразсужденіи разныхъ дозволеній, которыя ему учинено. Послѣдняя часть діалектики Зеноновой была спорная, или наука спорить и противурѣчить; хотя нѣкоторые авторы, а особливо Лаэрцій приписываютъ сію часть Протагору, одному изъ Зеноновыхъ учениковъ. (Смотри разговоръ и споръ).

Другая часть діалектики есть діалектика Мегарская, которой авторъ былъ Эвклидъ, не математикъ, а другой Мегарской. Онъ въ сей наукѣ слѣдовалъ много порядку Зенонову и Протагорову, хотя двѣ вещи и отличаютъ его отъ нихъ. І онъ опровергалъ доказательства ихъ не утвержденіями, а заключеніями, и поступалъ въ томъ выводомъ слѣдствій на слѣдствія. 2. Эвклидъ не употреблялъ никогда такихъ доводовъ, которые заимствуютъ свою силу отъ какого либо сравненія, или подобія, а почиталъ ихъ за ничто.

Послѣ Эвклида настаѣ Эвбулидъ, которому приписываютъ вредное изобрѣ-

теніе

теніе искусства мудрованія (sophiſme). Въ его время раздѣлялась сія наука на многіе образы какъ (mentiens fallens , electra , obvelata , acervalis , Cornuta , et calva). Смотри мудрованіе (ſophiſme).

Третія есть діалектика Платонова, которую онъ предлагаетъ , какъ нѣкоторой образъ рѣшенія (analyse) для управленія человѣческаго разума, раздѣленіемъ, опредѣленіемъ и восхожденіемъ къ первоначальной истиннѣ , или первому началу. Платонъ употреблялъ сіе рѣшеніе для изъясненія чувствительныхъ вещей , но всегда въ томъ намѣреніи , чтобъ возвращаться къ первоначальной истиннѣ , при которой одной могъ онъ останавливаться. Такое есть понятіе рѣшенія Платонова. (Смотри рѣшеніе , Платонизмъ , Академію).

Четвертая есть діалектика Аристотелева , которая содержитъ въ себѣ науку простыхъ словъ , предложенную въ книгахъ его называемыхъ (predicamens) также науку предложеній въ его книгахъ о толкованіи, и науку о разныхъ образахъ силлогизма въ книгахъ его рѣшительныхъ , доказательныхъ и убѣдительныхъ предложеній. (Analytiques, topiques & elenchiques). (Смотри силлогизмъ, топику и предложеніе).

Пя-

Пятая есть дïалектика Стоическая, которую называютъ оные Стоики частью философïи и раздѣляютъ ее на реторическую и дïалектическую; а къ симъ присовокупляютъ иногда и опредѣлительную, по которой опредѣляются точно вещи, и въ коей содержатся также правила или критика истинны. (Смотри явственность, (evidence) истинну).

Стоики, прежде приступленïя къ предложенïю силлогизмовъ, останавливались на двухъ главныхъ предметахъ, то есть объ означенïи словъ и объ означенныхъ вещахъ. Въ первомъ случаѣ разсуждали они о множествѣ вещей, которыя касаются до грамматиковъ; то есть: что должно разумѣть чрезъ буквы, сколько ихъ есть, что есть слово, рѣчь, разговоръ и проч. Въ другомъ случаѣ разсуждали они о самыхъ вещахъ, не потому какъ онѣ суть внѣ разума, а потому какъ онѣ понимаются имъ чрезъ посредство чувствъ; такимъ образомъ первое основанïе полагаютъ они то, что нѣтъ ни чего такого въ разумѣ, что бы не проходило преже чрезъ чувства, и что сïе дѣлается или впеченïемъ вещи, какъ предмета, которой кто видитъ, или подобïемъ, какъ то чрезъ изображенïе, или пропорцïею, хотя чрезъ увеличенïе

какъ гигантъ или исполинъ, или чрезъ умаленіе, какъ карло, или перенесеніемъ, какъ цыклопъ, или сложеніемъ какъ центавръ, или противнымъ, какъ смерть, или лишеніемъ какъ слѣпой. (Смотри Стоиковъ).

Шестая есть діалектика Эпикурская; потому что хотя и кажется, будто бы сей философъ презиралъ діалектику, однако не смотря на то растилъ онъ ее съ великою ревностію; онъ отвергалъ только діалектику Стоиковъ, которые по его мнѣнію приписывали своей діалектикѣ гораздо больше, нежели должно было; поіпому что они говаривали, что тотъ только есть мудрой человѣкъ, кто довольно упражнялся въ ихъ діалектикѣ. Для сей причины Эпикуръ, которой казался, будто бы онъ не имѣлъ никакова уваженія къ обыкновенной діалектикѣ, взялъ прибѣжище къ другому средству; то есть къ нѣкоторымъ правиламъ, или основаніямъ, которыя онъ употребилъ на мѣсто той діалектики, и которыхъ собраніе назвалъ онъ собраніемъ правилъ. И какъ всѣ вопросы въ философіи касаются до вещей, или до словъ, то онъ здѣлалъ особливыя правила для каждаго изъ сихъ предметовъ. (Смотри Эпикуровъ) Шамберъ.

ФИЗИКА (порядокъ Энциклопедіи, разумъ, умъ, философія или наука, наука естества, физика). Сія наука, которая также называется философіею натуральною, есть наука о свойствахъ натуральныхъ тѣлъ, объ ихъ перемѣнахъ и дѣйствіяхъ, равно какъ и о разныхъ ихъ принадлежностяхъ, движеніяхъ и проч. (Смотри философію, натуру или естество). Сіе слово происходитъ отъ Греческаго слова (естество).

Начало физики производится отъ Грековъ и даже отъ Варваровъ, то есть отъ брахмановъ, или Индійскихъ философовъ, Волхвовъ и Египетскихъ жрецовъ. Смотри брахмана и волхва, (mage).

Отъ сихъ людей перешла она къ мудрецамъ Греческимъ, а особливо къ Талесу, о которомъ говорятъ, что онъ первой изъ Грековъ прилѣжалъ къ познанію натуры.

Оттуда

Оттуда сообщена она въ школы Пиѳагорову, Платонову и перипатетическую, которыя разсѣяли ее въ Италіи, а оттуда во всей Эвропѣ. Однако Друиды, барды и прочіе имѣли также нѣкоторую физику, которая имъ была свойственна (смотри Пиѳагорца, Платоника, Перипатетика, также Друида, барда и проч).

Можно видѣть въ фигурной системѣ, которая слѣдуетъ за предувѣдомленіемъ сего сочиненія и въ подробномъ толкованіи сей системы разныя раздѣленія и части физики, и мы для убѣжанія повторенія отсылаемъ для сего туда читателя, какъ то мы здѣлали при артикулѣ математики въ разсужденіи раздѣленій сей науки.

Въ разсужденіи образа, которымъ преподавалась физика, и въ разсужденіи людей, которые старались объ ея приращеніи, можно раздѣлить сію науку на физику изображательную, или знаменательную (Symbolique), которая состояла въ однихъ знакахъ, какова была у древнихъ Египтянъ, Пиѳагорцовъ и Платониковъ, которые изъясняли свойства натуральныхъ тѣлъ знаками ариѳметическими, геометрическими и гіѳроглифичес-

фическими, или таинственными (смотри гіероглифы, или таинственные знаки).

На физику перипатетическую , то есть физику Аристотелевыхъ послѣдователей , которая толковала свойства вещей матеріею, или составомъ , формою, или видомъ и лишеніемъ , также качествами стихійными и скрытными , натуральнымъ согласіемъ , натуральнымъ несогласіемъ (Sympathie , antipathie) и проч.

На физику опытную , которая старается найти причины и натуру вещей посредствомъ опытовъ , какъ то химическихъ, гидростатическихъ , аэрометрическихъ , оптическихъ и проч. [смотри аріпикулъ опытной , (experimentale) гдѣ предлагается обстоятельно о семъ образѣ физики , которая только одна свойственно заслуживаетъ наши изслѣдованія.

На физику механическую и на ту физику , въ которой полагается , что всѣ тѣла состоятъ изъ весьма малыхъ частицъ (la phyſique Corpuſculaire). Сія физика старается показать причины перемѣнъ въ натурѣ , не употребляя другихъ основаній , какъ только матерію , дви-

движенїе, строенїе, фигуру, или изображенїе тѣлъ и ихъ частей и все сїе употребляя согласно съ законами натуры и механики, довольно утвержденными. (смотри Corpusculaire).

Физика (говоритъ Г. Мушенброкъ) имѣетъ три образа предметовъ, то есть: тѣла, пространство, или пустоту мѣста, движенїе. Мы называемъ тѣломъ все то, къ чему мы прикасаемся рукою, и все то, что дѣлаетъ какоелибо сопротивленїе, когда кто его давитъ. Мы называемъ именемъ пространства, или пустоты все то протяженїе свѣта, въ которомъ тѣла движутся свободно. Движенїе есть переносъ какоголибо тѣла съ одной части пространства въ другую. [Смотри тѣло, пространство, движенїе].

Феноменъ, или натуральная перемѣна, или натуральное дѣйствїе есть то, что мы находимъ въ тѣлахъ помощїю нашихъ чувствъ.

Перемѣны, которыя мы видимъ въ тѣлахъ, дѣлаются не иначе, какъ чрезъ движенїе; въ чемъ насъ и малое вниманїе совершенно убѣдить можетъ, напримѣръ: кусокъ дерева, какъ бы оно крѣ-

пко ни было, состарѣвается со временемъ, разщеливается, разсыхается, изчезаетъ и превращается наконецъ въ прахъ, хотя оно было всегда на одномъ мѣстѣ безъ всякаго движенїя: сїя перемѣна дѣлается отъ того, что воздухъ, или огонь безпрестанно окружали сїе дерево и вошли въ него. Капышекъ воску расплюскнетъ и перемѣнитъ свой видъ отъ того, что части его сжатыя, и водруженныя приведены въ движенїе изъ прежняго мѣста въ другое. Также можно показать, какимъ образомъ дѣлается перемѣна, когда движенїе останавливается: сїе можно видѣть въ стекляномъ сосудѣ, наполненномъ мутною водою съ грязью; сїя вода пребудетъ мутною до тѣхъ поръ, пока сосудъ будетъ въ движенїи; а какъ только остановитъ его на нѣсколько времени въ спокойствѣ, то всѣ малыя части грязи, не будучи уже болѣе поддерживаемы частьми воды, упадутъ отъ собственной своей тяжести на дно сосуда и отдѣлятся отъ воды, которая здѣлается очень прозрачною. И такъ движенїе есть главнѣйшїй предметъ физики.

Примѣчено, что всѣ тѣла движутся по извѣстнымъ нѣкоторымъ законамъ, или правиламъ, какаябъ то ни была причина,

чина, которая приводитъ ихъ въ движеніе. Всѣ растущія изъ земли животныя (plantes) и всѣ одушевленныя животныя (animaux) родятся посредствомъ ихъ сѣмянъ и всегда однимъ образомъ и по однимъ законамъ. Тѣла ударяются, или взаимно себѣ сообщаютъ свои силы, или ихъ уменьшаютъ; или совсѣмъ истребляютъ по непремѣннымъ законамъ. (Смотри percussion ударъ, или сраженіе).

Сихъ законовъ въ физикѣ найдено только малое число, для того что въ прошедшихъ вѣкахъ не много пріобрѣтенія учинено въ сей наукѣ. Слѣдовательно должность требуетъ отъ насъ употребить обстоятельное изслѣдованіе сихъ законовъ по крайней возможности. Въ семъ намѣреніи должны мы прилѣжно наблюдать всѣ образы земныхъ тѣлъ, потомъ ихъ разбирать и употребить въ томъ всевозможныя изслѣдованія и примѣчанія.

Всѣ земныя тѣла раздѣляются на четыре разные роды: то есть на животныя одушевленныя (animaux), на животныя растущія изъ земли, (vegeteaux) на тѣла выкапываемыя изъ земли (fossiles) и на тѣла, находящіяся въ атмосферѣ,

или воздухѣ. Каждой изъ сихъ родовъ раздѣляется еще на разные образы, а сіи образы раздѣляются еще на меньшіе образы. Какъ начали собирать тѣла и расположили ихъ по ихъ родамъ и образамъ, то нашли, что число каждаго изъ сихъ родовъ очень велико, такъ что физика есть неизчерпаемая наука.

Во первыхъ должны мы изслѣдовать всѣ сіи тѣла, употребить всѣ силы къ познанію свойствъ каждаго изъ нихъ особо, потомъ мы утвердимъ общіе законы, по которымъ узнаемъ, что угодно было богу все то держать на свѣтѣ и заставить дѣйствовать, что онъ самъ создалъ. Мы не должны въ семъ дѣлѣ торопиться, ни скоро выводить общія заключенія изъ нѣкоторыхъ частныхъ учиненныхъ нами наблюденій, а лучше намъ въ томъ поступать тихо и трудиться много въ изслѣдованіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Ежели разобрать все строго, то найдется весьма больше законовъ частныхъ, нежели общихъ.

И для того надлежитъ просить прямыхъ любителей натуры, чтобъ они изслѣдывали и разбирали прилѣжно и съ крайнею строгостію всѣ роды тѣлъ, чтобъ люди могли когда либо достичь

до совершеннѣйшаго познанія натуры. Но сего достичь ни коимъ образомъ не можно, безъ собиранія примѣчаній и изобрѣтеній ученыхъ людей и безъ прибѣжища притомъ къ новымъ опытамъ. Мушенбр. опытъ физ. § 3. и слѣд.

Неистовое стремленіе, чтобъ толковать все, есть великая причина къ погрѣшностямъ въ физикѣ. Для показанія, сколь недовѣрять должно самымъ довлетворительнымъ толкованіямъ, предложу я одинъ примѣръ: положимъ, что снѣгъ идетъ лѣтомъ, а градъ зимою, (извѣстно, что такой случай совсѣмъ противенъ обыкновеннымъ); и ежели кто предпріймется показать сему причину, то онъ скажетъ, что снѣгъ идетъ лѣтомъ для того, что частицы паровъ, изъ которыхъ онъ составленъ, не имѣютъ времени вовся замерзнуть до прибытія къ землѣ; потому что воздухъ, которымъ мы дышемъ, препятствуетъ сему замерзанію. Напротивъ того зимою воздухъ, которой находится близко земли, будучи очень холоденъ, заморазываетъ и скрѣпляетъ тѣ части; и отъ сего дѣлается градъ. Вотъ толкованіе, которымъ бы всѣ люди довольны были, и почли бы за доказательное; а со всѣмъ тѣмъ оно фальшиво. Теперь

станемъ толковать перемѣны натуры. Положимъ еще, что передъ дождемъ въ барометрѣ ртуть подымается, (извѣстно что сіе противно обыкновеннымъ случаямъ); однако прополковановъ его очень хорошо, для того что сказановъ было, что передъ дождемъ пары, которыми наполненъ воздухъ, дѣлаютъ его тяжелѣ, и слѣдовательно подымаютъ ртуть въ барометрѣ.

Но когда воздержаніе и осторожность должны быть главнѣйшими качествами для физика, то съ другой стороны терпѣніе и бодрость должны подкрѣплять его въ трудахъ. Въ какой бы то ни было матеріи, не должны мы спѣшить такъ отдалять натуру отъ понятія нашего разума, чтобъ не имѣть никакой къ нему, при всемъ нашемъ трудолюбіи, довѣренности. Когда мы, по свидѣтельству ежедневныхъ опытовъ, не можемъ преодолѣть столь многихъ въ испытаніи натуры препятствъ; то безъ сумнѣнія весьма бы мы благополучны были, ежелибъ только смогли съ перваго разу узнавать по крайней мѣрѣ то, сколь далеко усиліе наше въ такомъ дѣлѣ простираться можетъ. Но такова есть совокупно сила и слабость нашего разума, что часто бываетъ спо-

лькожъ предосудительно сказать рѣшительное мнѣніе о томъ, что мы разумѣемъ, какъ и о томъ, чего мы не понимаемъ. Сколько нынѣшнихъ изобрѣтеній, о которыхъ древніе и понятія не имѣли! Сколько откровеній потерянныхъ, которые бы мы легко оспорили! и сколько другихъ изобрѣтеній, которые мы почли бы за невозможныя, предоставлено для нашего потомства (О).

Физической (имя прилагательное) говорится о томъ, что принадлежитъ до натуры, или до физики (смотри физику и натуру).

Въ семъ разумѣ говорится о точкѣ физической, противоположно точкѣ математической, которая не имѣетъ никакова протяженія, и находится только въ мысли у математиковъ. (Смотри точку).

Также говорится существенность (ſubſtance) физическая, или тѣло физическое, противоположно духу, или существенности метафизической и прочая.

Горизонтъ физической, или видимой (смотри горизонтъ).

Физикъ. Симъ именемъ называютъ человѣка упражнявшагося въ физикѣ. Въ прежнія времена называли физиками медиковъ, а и нынѣ на Аглинскомъ языкѣ медика называютъ физикомъ. (Смотри физику и медицину).

МЕТАФИЗИКА есть наука основаній или причинъ вещамъ. Все имѣетъ свою метафизику и свое употребленіе. Употребленіе безъ основанія употреблению, и основаніе безъ упражненія составляютъ несовершенную науку. Спроси у живописца, стихотворца, музыканта, геометра, то принудишъ его показать основаніе, или причину его дѣла, то есть дойти до метафизики его искуства. Ежели ограничитъ предметъ метафизики пустыми и отдѣленными разсужденіями о времени, пространствѣ, матеріи, или составѣ, духѣ, то это будетъ наука достойная презрѣнія; а ежели разсуждать объ ней по прямому ея намѣренію, то это будетъ другое дѣло; и скажутъ объ ней худо развѣ такіе люди, которые не имѣютъ довольнаго проницанія.

ОНТОЛОГІЯ (логика, метафизика) есть наука о вещи (l'etre). Она подаетъ основанія ко всѣмъ другимъ частямъ философіи, также и ко всѣмъ другимъ наукамъ.

Школьные учители, будучи чрезвычайно страстны къ своему ученому языку, не оставили впустѣ сей земли, такъ способной къ произведенію новыхъ и темныхъ терминовъ или словъ, и для того они даже до небесъ возвышали свою философію первую, то есть, онтологію. А какъ ученіе Картезіево получило передъ нею преимущество, то съ того времени онтологія школьная пришла въ презрѣніе и здѣлалась предметомъ всесвѣтнаго посмѣянія. Сей новой философъ положилъ заглавное основаніе, что не должно употреблять никакого термина, которому бъ не соотвѣтствовало ясное понятіе, или которой бы не былъ рѣшимъ по своему опредѣленію на простыя и ясныя понятія. Сей приговоръ произшедшій отъ здраваго разума

разума выгналъ всѣ тогдашнїе онтологическїе термины изъ употребленїя. Подлинно опредѣленїя положенныя къ ихъ изъясненїю бывали обыкновенно темнѣе и самыхъ терминовъ, и правила школьныхъ учителей были такъ сумнительны, что не можно было употребить ихъ ни въ какую пользу. И такъ онтологїя съ того времени почиталась за философской варварской лексиконъ, или словарь, въ которомъ изъяснялись термины, безъ которыхъ мы весьма легко обойтись можемъ, а больше всего огласило онтологїю то, что Картезїй разорилъ ее, не созидая вновь, и что онъ рѣшительно сказалъ, что для онтологическихъ терминовъ не надобно опредѣленїй, и что тѣ термины, которые значили что либо, были сами собою довольно вразумительны. Къ такому короткому рѣшенїю побудила Картезїя безъ сумнѣнїя трудность въ сочиненїи точныхъ опредѣленїй простымъ и первоначальнымъ понятїямъ.

Онтологїя, которая въ прежнїя времена была только наука, или знанїе словъ, получила совсѣмъ другой видъ отъ нынѣшнихъ философовъ, или какъ лучше сказать отъ Г. Вольфа; потому что курсъ сей науки, которой онъ издалъ,

далѢ , есть первой , и даже до нынѢшняго времени единспвенной , вѢ которомѢ она предложена прямо философскимѢ образомѢ. Сей великой мужѢ, размышляя о средствахѢ , какѢ бы сочинить безсумнѢнную и полезную роду человѢческому систему философіи , вздумалѢ изслѢдовать основаніе явственности ЭвклидовыхѢ доказательствѢ и нашелѢ тотчасѢ , что она зависѢла отѢ онтологическихѢ понятій. Потому что первыя основанія, которыя Эвклидѣ употребляетѢ, суть или опредѢленія словесныя, которыя не имѢютѢ сами по себѢ никакой явственности , или аксіомы , изѢ которыхѢ большая частьѢ суть предложенія онтологическія.

ИзѢ сего изобрѢтенія заключаетѢ Г. ВольфѢ , что вся безсумнѢнность (certitude) математики происходитѢ отѢ онтологіи ; потомѢ онѢ простираетсяѢ къ теоремамѢ философическимѢ и силится доказать сходство свойствѢ сѢ ихѢ подлежащими (ſujets) согласно сѢ правильными ихѢ ограниченіями , чтобѢ чрезѢ повторенныя доказательства дойти даже до недоказательныхѢ основаній? РавнымѢ образомѢ примѢтилѢ онѢ и то , что всѢ образы истинѢ состоятѢ вѢ томѢ же случаѢ , вѢ которомѢ и математи-

матическія, то есть что они зависятъ отъ онтологическихъ понятій. Изъ чего явственно видно, что философія, а еще и паче математическія науки не могутъ иначе преподаваться безсумнѣннымъ и полезнымъ образомъ, какъ только по приведеніи онтологіи въ ученой порядокъ. Сію важную услугу наукамъ предпріялъ здѣлать, Г. Вольфъ и здѣлалъ ее дѣйствительно въ сочиненіи изданномъ въ 1729 году подъ слѣдующимъ титуломъ: философія первая, или онтологія, сочиненная ученымъ порядкомъ, въ которой содержатся основанія всего человѣческаго познанія. Сіе сочиненіе вторично съ переправкою напечатано въ 1736 году въ четверть листа, въ Франкфуртѣ и Лейпцигѣ. Онъ тамъ даетъ понятія явственныя какъ о вещи вообще, такъ и о свойствахъ, которыя ей приличествуютъ, хотя бы разсуждать о вещи просто, или разсуждать о вещахъ по нѣкоторымъ ихъ сходствамъ. Сіи понятія служатъ потомъ къ сочиненію предложеній ограниченныхъ, которыя только однѣ полезны къ умствованію и къ сочиненію доказательствъ, въ которыя никогда не должно употреблять другихъ какихъ, какъ только прежде утвержденныхъ основаній. Не должно удивляться тому, что въ семъ сочине-

чиненїи находятся опредѣленїя такихъ вещей, которыя неявственныя понятїя предсставляютъ намъ довольно ясно, такъ что ихъ одну отъ другой отличить можно, также и доказательства такихъ истинъ, на которыя нѣтъ обычая требовать доказательства. Намѣренїе авторово требовало сихъ подробностей; не довольно было для него здѣлать вычисленїе свойствъ совершенныхъ и случайныхъ (abſolus et reſpectifs) вещи, а надобно было еще показать причину приличества ихъ вещи и убѣдить доказательствомъ, что то справедливо, чтобъ приписывать вещи тѣ свойства тогда, какъ предположенныя по свойству ограниченїя случатся. Пока предложенїя изъясняются только одними примѣрами, которые подаютъ опыты, то не можно еще заключать объ ихъ общественности (univerſalité), которая дѣлается явственною не иначе, какъ чрезъ познанїе ограниченїй подлежащаго (sujet). Всякъ, кто знаетъ, какъ великую силу имѣетъ ученой порядокъ къ убѣжденїю насъ въ чемъ либо, не станетъ роптать на то, когда какой авторъ съ великою заботою стараетсся доказывать все то, что онъ предлагаетъ.

Онто-

Онтологїю натуральную можно опредѣлить чрезъ собраніе неявственныхъ понятїй, пріобрѣтенныхъ обыкновеннымъ употребленїемъ способностей души нашей, которыя соотвѣтствуютъ отдѣленнымъ терминамъ, которые мы употребляемъ на выраженіе нашихъ разсужденій о вещи вообще. Такова есть подлинно натура нашей души, что она не можетъ отдѣлить отъ понятїя какой либо вещи всего того, что она примѣчаетъ въ той вещи, и что она примѣчаетъ общїя вещи въ единственныхъ, припоминая, что она наблюла въ другихъ вещахъ то, что она примѣчаетъ въ тѣхъ, которыя дѣйствительно внимаетъ. Такимъ образомъ дѣлаются въ насъ понятїя неявственныя: напримѣръ, большаго, меньшаго и равнаго чрезъ сравненіе величинъ, или высотъ тѣлесныхъ предметовъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобъ здѣлать сїи сумнительныя понятїя явственными и чтобъ ограничить предложенія, которыя отъ того произойти должны; и сїе то составляетъ онтологїю ученую (artificielle), которая слѣдовательно есть явственное изъясненіе онтологїи натуральной.

Bayerische Staatsbibliothek München

КОЗМОЛОГІЯ. (порядокъ Энциклопедіи, разумъ, умъ, философія, или наука, наука натуры, козмологія) сіе слово составлено изъ двухъ Греческихъ словъ (свѣтъ и разговоръ), и значитъ отъ слова до слова науку, которая размышляетъ о свѣтѣ, то есть которая умствуетъ о семъ свѣтѣ, на которомъ мы обитаемъ, и каковъ онъ пребываетъ дѣйствительно, и симъ она разнится отъ козмографіи и козмогоніи (смотри сіи слова).

И такъ козмологія есть свойственно физика общая и умственная, которая, не входя въ весьма обстоятельныя подробности дѣйствій натуры, испытываетъ съ стороны метафизической слѣдствія самыхъ тѣхъ дѣйствій, показываетъ сходство и согласіе ихъ между собою, и старается чрезъ то открыть нѣкоторую часть общихъ законовъ, по которымъ сей свѣтъ управляется. Все имѣетъ связь въ натурѣ, и всѣ существа держатся цепью, у которой мы примѣчаемъ нѣкоторыя части непрерывныя, хотя въ большей части случаевъ сіи

сія непрерывность отъ насъ скрывается. Искуство философа не состоитъ въ томъ (какъ то ему очень часто случается,) чтобъ стараться приближать силою отдаленныя между собою части, дабы чрезъ то возобновить опять неприличнымъ образомъ между ими цепь, въ такихъ случаяхъ, гдѣ она перервана; потому что чрезъ такое усилїе дѣлается больше раздѣленїе частей, которыя имѣли связь между собою, или большее отдаленїе тѣхъ частей, отъ которыхъ онѣ уже и такъ были отдалены другимъ концомъ, противуположеннымъ тому, которой мы приближаемъ; искуство философа состоитъ въ томъ, чтобъ прибавлять новыя части цепи къ перерваннымъ частямъ, чтобъ ихъ здѣлать какъ можно меньше разстоящими между собою; но онъ не долженъ ласкать себя тою мыслїю, чтобъ не осталась всегда во многихъ мѣстахъ перерванная цепь вещей. Для составленїя малыхъ частей цепи, о которыхъ мы теперь говоримъ, надобно примѣчать двѣ вещи: 1) наблюденныя дѣйствїя натуры, которыя составляютъ матерїю тѣхъ малыхъ частей цепи: 2) общїе законы натуры, которыя составляютъ связь тѣхъ частей цепи. Я называю общими законами тѣ, которые (кажется, что) примѣчаемъ мы въ великомъ

ликомъ числѣ перемѣнъ натуры, потому что я очень остерегаюсь отъ того, чтобъ сказать, что во всѣхъ перемѣнахъ. Такіе законы суть законы движенія, которые суть слѣдствіемъ непроницаемости тѣлъ и источникомъ дѣйствій, или происхожденій (effets), которыя мы наблюдаемъ въ натурѣ, также фигура и движеніе, я разумѣю то движеніе, которое происходитъ отъ понужденія; и въ семъ состоитъ великая часть основаній, на которыхъ утверждается космологія. Не надобно удаляться отъ нихъ безъ нужды, и также не надобно сильно утверждать, чтобъ онѣ только однѣ и были. Мы не знаемъ всѣхъ дѣйствій натуры, то какъ мы можемъ утверждать, чтобъ онѣ всѣ изъяснялись однимъ только закономъ. Сіе утвержденіе было бы тѣмъ больше безразсудно, что между самыми тѣми дѣйствіями натуры, которыя мы знаемъ, есть такія, которыхъ законы понужденія не могли изъяснить даже да сего времени, (смотри привлеченіе attraction). Можетъ быть кто, когда либо достигнетъ до сего; но мы, въ ожиданіи сего великаго изобрѣтенія, обратимъ размышленіе наше на общественность сихъ законовъ. Можетъ быть (и сіе есть по крайней мѣрѣ правдоподобно) есть общій

законъ, которой намъ есть и будетъ всегда неизвѣстнымъ и котораго мы видимъ только однѣ слѣдствія частныя, темныя и ограниченныя, слѣдствія, которыхъ мы не перестаемъ называть общими законами. Сія догадка весьма сходствуетъ съ тѣмъ понятіемъ, которое мы имѣть должны объ единствѣ и простотѣ натуры. Смотри натуру, (естество). Напослѣдокъ ежели мы станемъ размышлять о слабости нашего разума, то мы больше удивимся тому, что онъ изобрѣлъ, нежели тому, что осталось отъ него скрыто.

Но главная польза, которую мы получить должны отъ космологіи, состоитъ въ томъ, чтобъ намъ восходить посредствомъ общихъ законовъ натуры къ познанію ея Творца, коего премудрость уставила сіи законы, показала намъ то, что необходимо надобно знать для пользы нашей, или забавы, и скрыла отъ насъ прочее, для наученія насъ сумнѣнію. Такимъ образомъ космологія есть наука свѣта разсуждаемаго вообще; по колику онъ есть существо сложное, однако не смотря на то, простое въ разсужденіи согласія и сходства его частей; также онъ есть цѣлая вещь, которая управляется вышнею премудростію, и

которой пружины или средства переплетены, приведены въ движеніе и устроены тою премудростію.

„Прежде Г. Вольфа, (говоритъ „въ одномъ мѣстѣ Г. Формей) имя „козмологіи было невѣдомо въ шко„лахъ, то есть не было никакой части „отличной въ курсѣ философическомъ, „которая бъ была такъ названа. Ни одинъ „метафизикъ не казалъ и виду, чтобъ ду„малъ о сей части, и столь великія „книги, написанныя о метафизикѣ не „упоминали ничего о козмологіи. Нако„нецъ Г. Вольфъ издалъ сочиненіе подъ „слѣдующимъ названіемъ: козмологія об„щая, сочиненная ученымъ порядкомъ, „которая очищаетъ путь къ основатель„ному познанію бога и натуры, издан„ная въ Франкфуртѣ и Лейпцигѣ въ чет„верть листа 1731 году, а послѣ того „въ 1737 году вышло и новое ея изда„ніе. Онъ издалъ сіе сочиненіе безпо„средственно послѣ онтологіи и какъ „вторую часть метафизики; по тому „что онъ тамъ положилъ основанія, ко„торыя послужили ему въ натурал„ной богословіи къ доказательству бы„тія и свойствъ божіихъ чрезъ случай„ность свѣта и чрезъ порядокъ натуры. „Онъ называетъ ее козмологіею общею,

„или превосходною, потому что она „содержитъ въ себѣ одну только отдѣ- „ленную теорїю, которая въ разсужденїи „физики есть то, что онтологїя въ раз- „суженїи прочей философїи.

„Понятїя сей науки происходятъ „отъ онтологїи; потому что надобно „употреблять къ свѣту теорїю общую „о существѣ и о существѣ сложномъ. „Къ сему размышленїю о свѣтѣ прива- „вляются въ помочь наблюденїя и опы- „ты, такъ что можно сказать, что „тамъ находится двойная космологїя, „то есть ученая и опытная.

„Изъ сихъ двухъ космологїй Г. „Вольфъ ограничилъ себя свойственно „при первой, какъ то названїе его сочи- „ненїя показываетъ; однако онъ не пре- „небрегъ и той помочи, которую опы- „ты могли подать ему къ утвержде- „нїю его основанїй.

„Обѣ сїи космологїи подаютъ ос- „нованїя, которыя служатъ къ доказа- „тельству бытїя и свойствъ божїихъ. „Главныя матерїи, которыя содержитъ „въ себѣ космологїя общая, ограничива- „ются тѣмъ толкованїемъ: какъ свѣтъ „произшелъ отъ собранїя существенно-

„ стей (Subſtances) простыхъ, и откро-
„ веніемъ основаній общихъ устроенія
„ (modification) составныхъ (matirielles)
„ вещей.

„ Вотъ самой дражайшей плодъ коз-
„ мологіи , котораго одного довольно къ
„ тому , чтобъ заставить насъ , чувст-
„ вовать ея цѣну , и стараться объ ея
„ приращеніи , хотя бы она кромѣ сего
„ плода и не производила другаго. Та-
„ кимъ образомъ достигли мы къ дока-
„ зательству , что размышленіе о види-
„ момъ свѣтѣ доводитъ насъ до позна-
„ нія невидимаго существа , которое его
„ создало. Г. Вольфъ кажетъ себя силь-
„ но увѣреннымъ о пользѣ и безсумнѣн-
„ ности сего новаго пути , которой онъ
„ себѣ очистилъ. Онъ изъясняется о семъ
„ слѣдующимъ образомъ : я принужденъ
„ признаться въ честь Богу , что много
„ старался о томъ , чтобъ преподать по-
„ знаніе Бога ученымъ порядкомъ ; одна-
„ ко къ исполненію сего намѣренія не на-
„ шелъ другаго пути , какъ тотъ , ко-
„ торой показываетъ нынѣшнее предло-
„ женіе , нижѐ сыскалъ я какого фило-
„ софа , которой бы шелъ прямо по сему
„ пути , хотя и можно похвалить тѣхъ,
„ которые, а особливо въ наши времена ,
„ старались употребить доказательной
„ поря-

„ порядокъ въ натуральной богословіи.
„ Вольфъ въ предъувѣдомленіи космологіи
„ § 6 въ примѣчаніи.

Г. Мопертюи за нѣсколько лѣтъ предъ симъ издалъ опытъ космологіи, которой кажется сочиненъ на основаніяхъ и по намѣренію, которыя мы выше сего предложили. Онъ думаетъ, что нѣтъ къ тому довольно ни дѣйствій ни основаній, чтобъ обнять натуру въ одинъ пунктъ видѣнія. Онъ довольствуется толкованіемъ о системѣ или зданіи свѣта, предпринимаетъ подать ему общіе законы, и выводитъ изъ того новое доказательство о бытіи бога. И какъ сіе сочиненіе въ 1752 году произвело сильной споръ, то я вмѣщу здѣсь нѣкоторыя размышленія, которыя служить могутъ къ изъясненію сей матеріи. Я ихъ предложу какъ можно короче и надѣюсь быть въ томъ безпристрастнымъ.

Общій законъ Г. Мопертюи есть законъ самаго малѣйшаго количества дѣйствія (смотри о семъ опредѣленіе и толкованіе при словѣ дѣйствіе (action), а мы приложимъ здѣсь слѣдующія примѣчанія.

Лейбницъ произвелъ особливое понятïе о силѣ движущихся тѣлъ, о которой предлагается при словѣ сила, и назвалъ ее силою живою, и думалъ, что она есть произведенïе изъ состава на квадратъ скорости, или (что то же будетъ), что она есть какъ квадратъ скорости, ежели положить составъ равенъ единицѣ. Г. Вольфъ въ 1мъ томѣ Санктпетербургскихъ записокъ вздумалъ умножить живую силу на время и назвалъ сïе произведенïе дѣйствïемъ, по видимому полагая, что дѣйствïе какого либо тѣла есть слѣдствïе всѣхъ тѣхъ силъ, которыя оно производитъ въ каждое мгновенïе ока (instant), и слѣдовательно сумма всѣхъ живыхъ силъ произведенныхъ въ тѣ мгновенïя ока. Можно бы спросить у Лейбницовыхъ подражателей, изъ которыхъ Г. Вольфъ почитается главнѣйшимъ, на что они вздумали сïе метафизическое различïе между дѣйствïемъ и живою силою, различïе, котораго можетъ быть имъ полагать не надлежало, по крайней мѣрѣ въ разсужденïи того понятïя, которое производятъ они о живой силѣ; но здѣсь дѣло не о семъ идетъ, а говоримъ мы о семъ при словѣ (сила). Мы можемъ между тѣмъ оставить сïе понятïе о дѣйствïи, какъ произвольное опредѣленïе словесное,

весное, и мы примѣчаемъ, что оно есть то же, что понятіе Г. Мопертюи; потому что произведеніе изъ пространства на скорость есть то же, что и произведеніе изъ квадрата скорости на время. Г. Мопертюи не говоритъ ни чего въ тѣхъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы упоминаемъ при словѣ (дѣйствіе), зналъ ли онъ объ опредѣленіи Г. Вольфа; но по видимому нѣтъ. Что касается до насъ, то мы о томъ не знали, когда мы писали сей послѣдній артикулъ, и мы хотимъ по строгой точности отдавать каждому принадлежащее. Наконецъ въ томъ мало нужды, что Г. Мопертюи заимствовалъ ли сіе понятіе отъ Г. Вольфа, или что онъ съ нимъ только въ немъ встрѣтился; потому что здѣсь дѣло идетъ единственно о слѣдствіяхъ, которыя онъ изъ его вывелъ и въ которыхъ Г. Вольфъ не имѣетъ никакова участія. Г. Мопертюи былъ подлинно первой, которой показалъ, что въ преломленіи лучей количество дѣйствія есть самое малѣйшее (minimum). Притомъ же не меньше извѣстно.

1. Что сіе основаніе совсѣмъ разнится отъ того, что натура дѣйствуетъ всегда самымъ простымъ способомъ, что сіе послѣднее основаніе есть колеблемое основа-

нiе,

ніе , которое употребляпь можно весьма многими разными образами , смотря по опредѣленію , которое дано будетъ тому, что почитается за самой простой способъ натуры , то есть смотря по тому, въ чемъ положена будетъ простота натуры и кратчайшей ея способъ , въ прямолинейномъ ли направленіи , то есть въ краткости ли направленія , или въ краткости времени, или въ самомъ малѣйшемъ (minimum) изъ количества движенія , или въ самомъ малѣйшемъ изъ живой силы, или въ самомъ малѣйшемъ изъ дѣйствія и проч. И такъ основаніе Г. Мопертюи не есть основаніе самаго простаго способа , взятое сумнительно , а точное исполкованіе того , что онъ почитаетъ за самой простой способъ натуры.

2. Мы показали , что сіе основаніе весьма разнится отъ основанія Лейбницова. (Смотри дѣйствіе action). И это бы было весьма странно , ежелибъ Лейбницъ имѣлъ познаніе объ основаніи Г. Мопертюи (какъ то нѣкоторые говорили) да не вздумалъ бы употребить его къ преломленію лучей. Но мы о семъ предложимъ ни́же сего.

3. Не меньше извѣстно , что сіе основаніе Г. Мопертюи, употребленное къ преломленію лучей , соглашаетъ причины

нины конечныя (les cauſes finales) съ механикою, по крайней мѣрѣ въ семъ случаѣ; него еще никто не здѣлалъ. Къ сему согласію тѣмъ больше, или меньше будетъ прибѣжища, чемъ больше или меньше будетъ нужды въ причинахъ конечныхъ. (Смотри сіе слово). Но покрайней мѣрѣ подражатели Лейбницовы должны быть симъ очень довольны. Сверьхъ того Г. Эйлеръ показалъ , что сіе основанїе имѣетъ мѣсто въ кривыхъ линеяхъ, которыя описываетъ какое либо тѣло , привлекаемое , или понуждаемое къ какой либо неподвижной точкѣ. Сіе хорошее предложенїе распространяетъ также основанїе Г. Моперіюи къ малой кривой линеи , которую описываетъ маленкое тѣло свѣтила , выходя изъ одной средины въ другую , такъ что въ семъ разсужденїи сіе основанїе находится вообще и безъ исключенїя истиннымъ. Г. Эйлеръ въ запискахъ Прусской Академїи наукъ 1751 году показалъ еще многїе другїе случаи , гдѣ сіе основанїе хорошо и легко употребить можно.

4. Сіе основанїе разнится отъ основанїя ничтожества (nullite) живой силы по двумъ причинамъ : 1 что въ основанїи Г. Мопертюи дѣло идетъ не о ничтожествѣ, а о малѣйшествѣ (minimite). 2 что

въ дѣйствіи присовокупляется время ; которое не присовокупляется въ живой силѣ. Что не препятствуетъ тому , чтобъ основаніе ничтожества живой силы не имѣло также мѣста во многихъ случаяхъ ; также сіе не мѣшаетъ и тому, чтобъ не можно было изъ ничтожества живой силы вывесть много такихъ вещей, какія выводятся отъ малѣйшества дѣйствія : но сіе не утверждаетъ того , чтобъ сіи два основанія составляли собою одно основаніе ; потому что къ одному заключенію можно дойти двумя разными средствами.

5. Мы видимъ въ артикулѣ (причины конечныя), что основаніе малѣйшества времени есть недостаточно въ отпрыгиваніи лучей (reflexion) отъ вогнутыхъ зеркалъ, и кажется , что оно также недостаточно и при малѣйшествѣ дѣйствія ; потому что тогда путь луча свѣтила есть самое величайшее (maximum) и дѣйствіе также есть самое величайшее. Правда, что можно бы здѣлать сіе основаніе приличнымъ , полагая всегда отпрыгиваніе лучей отъ поверхностей плоскихъ; но можетъ быть противникамъ причинъ конечныхъ сей отвѣтъ не понравится ; лучше сказать, кажется мнѣ , что дѣйствіе здѣсь есть самое величайшее, а въ дру-

другихъ случаяхъ самое малѣйшее. Однако и по сему не меньше достоинства было въ томъ, кто первой употребилъ сіе основанїе къ преломленїю лучей. Оно есть таково, какъ и основанїе соблюденія живыхъ силъ, которое употребляется къ сраженію упругихъ тѣлъ, а при твердыхъ не имѣетъ мѣста.

б Г. Мопертюи употребилъ самой сей законъ малѣйшества дѣйствія къ сраженію тѣлъ, и онъ первой ограничилъ однимъ и тѣмъ же основанїемъ, законы сраженїя твердыхъ и упругихъ тѣлъ. Правда, что употребленїе въ семъ случаѣ сего основанія есть нѣсколько затруднительнѣе и помѣшательнѣе, не такъ просто, а можетъ быть и не такъ строго, какъ въ случаѣ преломленія лучей.

Ежели мы то, что говоримъ здѣсь, изъяснимъ, то оно вовся не будетъ предосудительно Г. Мопертюи. Онъ полагаетъ, что два твердыя тѣла A и B движутся по одному направленію, одно скоростїю a, а другое скоростїю b, и что общая ихъ скорость послѣ удара есть x. Извѣстно (говоритъ онъ) что перемѣна случившаяся въ натурѣ состоитъ въ томъ, что тѣло A теряетъ

ско-

скорость a—x, и что тѣло B пріобрѣтаетъ скорость x—b; и такъ количество дѣйствія, которое потребно къ произведенію сей перемѣны, и которое надобно здѣлать равнымъ самому малѣйшему (minimum) есть $A(a-x)^2+B(x+b)^2$ и это будетъ обыкновенная формула сраженія твердыхъ тѣлъ $x=\frac{A+B}{Aa+Bb}$ все сіе есть очень вѣрно, но все же зависитъ отъ понятія, какое кто захочетъ употребить къ словамъ (перемѣна случившаяся въ натурѣ), потому что развѣ не можно сказать, что перемѣна случившаяся состоитъ въ томъ, что тѣло A, которое прежде удара имѣетъ количество дѣйствія, или силы Aaa, перемѣняетъ его послѣ удара въ количество Axx, что должно разумѣть и о тѣлѣ B, что такимъ образомъ Aaa—Axx, есть перемѣна случившаяся въ состояніи тѣла B, а Bxx—Bbb есть перемѣна случившаяся въ тѣлѣ B, такъ что количество дѣйствія, которое произвело сію перемѣну, есть Aaa—Axx + Bxx—Bbb. И такъ сіе количество уравненное съ самымъ малѣйшимъ уже не производитъ выше помянутаго закона сраженія твердыхъ тѣлъ. Вотъ противурѣчіе, которое учинить можно Г. Мопертюи, и которое уже почти ему и учинено, только съ тою разностію, что положено

Axx

Áxx + Bxx — Aaa — Bbb равно самому малѣйшему, вычитая количество Aaa — Axx изъ количества Bxx — Bbb, вмѣсто сложенія ихъ, какъ то кажется, что можно было сіе здѣлать; потому что два количества Aaa — Axx и Bxx — Bbb, хотя одно изъ нихъ должно вычесть изъ Aaa, а другое сложить съ Bbb, суть самовещественныя (то есть равны нѣкоторой величинѣ, а не нулю,) и могутъ сложиться вмѣстѣ; не смотря на то, въ которую они дѣйствуютъ сторону. Но какъ бы то ни было, однако кажется, что можно согласить, или оправдить всю въ разсужденіи сего трудность, полагая вмѣсто словъ выговоренныхъ въ предложеніи Г. Мопертюи (перемѣна въ натурѣ) слова (перемѣна въ скорости), то тогда ужъ разнорѣчія истиннаго, или мнимаго больше не будетъ.

Нѣкоторые также вопреки говорятъ, что количество дѣйствія въ выкладкѣ Г. Мопертюи смѣшивается при семъ случаѣ съ количествомъ живой силы; что и должно быть въ самомъ дѣлѣ: потому что здѣсь полагается время одно, какъ то оно и есть, то сіи два количества будутъ пропорціональны между собою, а можно бы сказать, что количества дѣйствія никогда не

должно смѣшивать съ живою силою, ежели бы время (слѣдуя опредѣленію Г. Мопертюи) совокуплялось съ количествомъ дѣйствія, и ежелибъ сверьхъ того въ случаѣ твердыхъ тѣлъ, когда перемѣна дѣлается въ нераздѣльномъ мгновеніи ока, время было = о, и слѣдовательнобъ не было ни какова дѣйствія. На сіе противурѣчіе отвѣчать можно, что какъ только какое тѣло движется, или силится къ движенію скоростію какою либо, то будетъ всегда нѣкоторое количество дѣйствія самовещественнаго, или возможнаго, которое бы соотвѣтствовало его движенію, ежелибъ оно двигалось движеніемъ уравненнымъ, въ нѣкоторое время тою скоростію. Такимъ образомъ вмѣсто словъ (количество дѣйствія потребное къ произведенію сей перемѣны) можно поставить слова (количество дѣйствія, которое соотвѣтствуетъ перемѣнѣ и проч.) и выговоритъ правило Г. Мопертюи, такимъ образомъ: въ перемѣнѣ, которая случается въ сраженіи по скорости тѣлъ, количество дѣйствія, которое соотвѣтствуетъ сей перемѣнѣ, при положеніи постояннаго, или одного времени, есть сколько можно самое малѣйшее. Мы говоримъ: при положеніи постояннаго, или одного времени. Сіе устроеніе (modi-

(fication

fication), или по произволенію подражаніе нужно для двухъ причинъ. 1. что въ сраженіи твердыхъ тѣлъ, или по строгости время есть = о; положеніе постояннаго, или одного, или положеніе перемѣннаго времени, суть два положенія равно произвольныя, и потому слѣдуетъ выговорить одно изъ двухъ. 2. что при сраженіи упругихъ тѣлъ перемѣна дѣлается во время конечное, хотя весьма краткое, что сіе время есть не одно во всѣхъ сраженіяхъ, что по крайней мѣрѣ это очень сумнительно, и что такимъ образомъ еще больше нужно выговорить здѣсь то положеніе, о которомъ дѣло идетъ. Подлинно время, которое здѣсь одно, или постоянное есть время взятое по произволенію, и совсѣмъ независящее отъ того времени, въ которое дѣлается сообщеніе движенія, и можно бы взять за истинное количество дѣйствія употребленнаго въ случившейся перемѣнѣ, сумму малыхъ количествъ дѣйствія, произведенныхъ въ то время, въ которое упругость сжимается и раздается. Можетъ быть скажетъ кто, что въ семъ случаѣ Г. Мопертюи долженъ былъ употребить слово (живая сила) вмѣсто слова (дѣйствіе), потому что здѣсь время не присовокупляется свойственно ни для чего. На сіе отвѣтствовалъ

валъ бы онъ безъ сумнѣнія, что онъ думалъ, что можно совокупить сей законъ чрезъ общее выраженіе съ закономъ, которой нашелъ онъ при преломленіи лучей. Но ежелибъ здѣсь поставить слово (живая сила) вмѣсто слова (дѣйствіе), то бы это всегда праведно было, что Г. Моперпюи первой привелъ сраженіе твердыхъ и упругихъ тѣлъ подъ одинъ законъ, что есть главной пунктъ, и теорема бы его о преломленіи лучей ничего въ семъ не потеряла.

Правда, что найдены законы движенія и безъ сего основанія, но это можетъ быть полезно, что мы показали, какъ оно и при движеніи употребляется, еще и то правда, что сіе основаніе употребленное такимъ образомъ будетъ, и можетъ быть не что иное, какъ нѣкоторое другое извѣстное основаніе представленное другимъ образомъ. Но сіе дѣлается со всѣми математическими истинами. Онѣ въ самой вещи суть не что иное, какъ переводъ однихъ на другія (смотри предъувѣдомительной разговоръ); напримѣръ, основаніе соблюденія живыхъ силъ есть въ самой вещи не что иное, какъ основаніе равновѣсія древнихъ, какъ то я показалъ въ моей диа-

намикѣ,

намикѣ, часть 2. г. 4. Однако сїе не препятствуетъ, чтобъ основанїе соблюденїя живыхъ силъ не было очень полезно, и не дѣлало чести своимъ изобрѣтателямъ.

Сей авторъ употребляетъ еще основанїе свое къ равновѣсїю силъ на рычагѣ; но для сего надобно здѣлать нѣкоторыя извѣстныя положенїя и между прочими то, что скоростъ движенїя сторонъ рычага всегда пропорцїональна разстоянїю ихъ отъ точки равновѣсїя, и какъ время есть одно, или постоянное, какъ въ случаѣ сраженїя пѣлъ, то надобно еще положить, что длина рычага дана, и что надобно искать только точку равновѣсїя; потому что ежели точка равновѣсїя, и одна сторона рычага даны, и что надобно искать другую сторону рычага, то сыщется по основанїю дѣйствїя, что сїя сторона равна нулю. Въ прочемъ положенїя, которыя дѣлаетъ здѣсь Г. Мопертюи, суть дозволенныя, и довольно ихъ выговоритъ, чтобъ быть свободну отъ порицанїя, и всякое другое положенїе должно бы также выговаривать. Употребленїе сего основанїя не содержитъ большей общественности (generalité). А что касается до положенїя, которое онъ дѣлаетъ, что тяжести суть въ такомъ

содержанїи , какъ составы ; то сїе положенїе дано самою натурою , и оно имѣетъ мѣсто во всѣхъ теоремахъ о центрѣ тяжести тѣлъ , которыя для сего не почитаются меньше общими.

Изъ всего вышеобъявленнаго слѣдуетъ, что основанїе малѣйшества (minimité) дѣйствїя имѣетъ мѣсто въ великомъ числѣ перемѣнъ натуры , что есть нѣкоторыя изъ нихъ , къ которымъ оно весьма легко употребляется , какъ то преломленїе лучей, и случай планетами переходимыхъ круговъ , также и другїе многїе изслѣдованные Г. Эйлеромъ (смотри записки Академїи берлинской 1751 году , и артикулъ дѣйствїе) , что сїе основанїе употребляется ко многимъ другимъ случаямъ , съ нѣкоторыми устроенїями (modifications) больше , или меньше произвольными ; но что оно само собою всегда полезно для механики , и могло бы облегчить рѣшенїе многихъ задачъ.

Нѣкоторые спорили въ томъ , чтобъ изобрѣтенїе сего основанїя принадлежало Г. Мопертюи. Г. Кенигъ объявляетъ для доказательства сего нѣкоторую рѣчь Лейбницову, взятую изъ рукописнаго письма сего философа. Сїя рѣчь напечатан-

ная въ дѣлахъ (actes) Лейпцигскихъ 1751 году, заключала въ себѣ грубую погрѣшность, о которой Г. Кенигъ увѣряетъ, будто бы она была типографическая ошибка. Онъ ее исправилъ, и подлинно сія рѣчь исправленная, есть по крайней мѣрѣ часпію основаніе самаго малѣйшаго дѣйствія, когда бы сіе письмо и дѣйствительно Лейбницово было (чего мы не утверждаемъ). И какъ оно никогда не издано публично, то сіе основаніе не меньше бы принадлежало Г. Моперттюи, и кажется что и Г. Кенигъ признаетъ сіе въ своей аппелляціи къ публикѣ отъ суда Пруской Академіи Наукъ, произведеннаго въ изобличеніе сего отрывка. Г. Кенигъ объявилъ сперва, будто бы сіе письмо писано было къ Г. Герману, а послѣ признался, что онъ не зналъ, къ кому оно писано было. Онъ въ своей аппелляціи написалъ все сіе письмо, которое очень длинно, а послано оно изъ Ганновера Октября 16, 1707 году; но не изслѣдывая вѣрности всего письма, надобно знать только, что тотъ, которой далъ сіе письмо Г. Кенигу, прибавилъ ли, и перемѣнилъ тотъ отрывокъ. Г. Кенигъ говоритъ, что онъ получилъ сіе письмо отъ Г. Гензія, которому за нѣсколько лѣтъ предъ симъ отрублена голова въ бернѣ. Онъ увѣряетъ,

что имѣетъ у себя многія другія письма Лейбницовы, которыя далъ ему Г. Гензій. Многія изъ нихъ по объявленію Г. Кенига написаны рукою Г. Гензія; а что касается до вышеобявленнаго письма, то Г. Кенигъ не говоритъ чьей оно руки, а говоритъ только, что онъ имѣетъ у себя многія письма, писанныя тою же рукою; и что одно изъ сихъ послѣднихъ находится въ сокращеніи, напечатанномъ въ четверть листа; и онъ написалъ сіи письма въ своей аппелляціи. І. Кенигъ также не говоритъ намъ, видѣлъ ли онъ подлинникъ сего письма, писанной рукою Лейбницовою. Вотъ каковы тѣ обстоятельства, по которымъ слѣдуетъ судить свѣту достовѣренъ ли, или нѣтъ вышепомянушой отрывокъ!

Мы должны увѣдомить также, что Г. Кенигъ въ дѣлахъ Лейпцигскихъ предложилъ теорему о живыхъ силахъ, которая есть точно та, которую Г. Куртивронъ напечаталъ въ запискахъ Французкой Академіи 1748 году, стр. 304, и которую Г. Куртивронъ читалъ въ сей Академіи, прежде публикаціи записки Г. Кенига. (Смотри сію теорему при словѣ центръ ровновѣсія).

Теперь

Теперь намъ не остаетпся болѣе , какъ только сказать слово о метафизическомъ употребленіи Г. Моперпюи свосвоего основанія. Мы думаемъ, (какъ уже выше сего объявлено) что опредѣленіе количества дѣйствія есть опредѣленіе словесное , голое математическое, произвольное. Можно бы назвать дѣйствіе произведеніемъ сосипава на скорость , или на ея квадратъ , или на величину пространства и времени. Пространство и время суть только два предмета , которые мы ясно видимъ при движеніи тѣлъ. Можно здѣлать столько перемѣнъ математическихъ изъ сихъ двухъ вещей, сколько хочется, и можно назвать все сіе дѣйствіемъ. Но первоначальное и метафизическое понятіе слова (дѣйствіе) не будетъ потому яснѣе. Вообще всѣ теоремы о дѣйствіи , опредѣленномъ по желанію о соблюденіи живыхъ сихъ , о движеніи никакомъ или уравненномъ центра тяжеспи , и о другихъ подобныхъ законахъ , суть не что иное , какъ теоремы математическія , больше или меньше общія , а не основанія философическія : напримѣръ, ежели изъ двухъ тѣлъ прицепленныхъ къ рычагу одно подымается , а другое опускается , то сыщешъ ежели надобно , какъ Г. Кенигъ , что сумма живыхъ силъ есть никакая ; потому что здѣсь

 склады-

складываются съ знаками противными, количества, которыя имѣютъ направленія противныя : но это предложеніе геометрическое, а не истинна метафизическая ; потому что въ самомъ дѣлѣ сіи живыя силы, для того, что имѣютъ направленія противныя, суть не меньше самовещественныя, и можно бы въ другомъ разумѣ не признавать ничтожества сихъ силъ. Это подобно тому, какъ бы сказать, что нѣтъ движенія въ системѣ тѣлъ, когда движенія съ одной стороны суть никакія, то есть когда количества движенія съ противными знаками суть равны, хотя и самовещественны.

И такъ основаніе Г. Мопертюи есть не что иное, какъ, по подобію всѣхъ другихъ, основаніе математическое ; и мы думаемъ, что оно не очень отдалено отъ сего понятія, тѣмъ больше, что оно не приняло ни какова участія въ метафизическомъ о живыхъ силахъ вопросѣ, отъ котораго зависитъ и вопросъ о дѣйствіи. (Смотри стран. 15, 16 сочиненій его, напечатанныхъ въ Дрезденѣ 1752 году въ четверть листа). Правда, что онъ вывелъ изъ своего основанія бытіе бога ; но можно вывесть бытіе бога изъ одного математическаго основанія, когда мы признаемъ, или думаемъ, что

что сїе основанїе наблюдается въ натурѣ. Сверьхъ того онъ далъ сїе доказательство о бытїи бога, какъ примѣръ доказательства выведеннаго изъ общихъ законовъ о свѣтѣ; примѣръ, которому онъ не ищетъ подать ни изключительной, ни вышшей отъ другихъ доказательствъ силы. Онъ думаетъ только съ основанїемъ, что должно стараться особливо о доказательствѣ бытїя божїя общими перемѣнами, а не ограничивать себя доводомъ его изъ перемѣнъ особенныхъ, хотя онъ признаетъ, что и сей доводъ имѣетъ также свою пользу. (Смотри о семъ предисловїе къ его сочиненїю, гдѣ онъ совершенно оправдалъ себя отъ оклеветанїй, которыя несмысленные, или коварные критики, взвели на него въ семъ дѣлѣ). Въ нынѣшнее время нѣтъ ни чего такъ обыкновеннаго, какъ оклеветанїе въ безбожїи, въ обиду и противность философамъ, отъ тѣхъ людей, которые сами не философы. (Смотри о семъ артикулѣ космологїю, дѣла Лейпцигскїя въ мѣсяцѣ Маїѣ 1751 года, апелляцїю Г. Кенига къ публикѣ, записки берлинскїя 1750 и 1751 годовъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ экземплярахъ не къ статьи поставленъ 1752 годъ, также въ запискахъ Парижской Академїи наукъ 1749 году писанїе Г. Арси о семъ дѣлѣ). Вотъ

каковы

каковы (по крайней мѣрѣ по сіе время, то есть по Февраль мѣсяцъ 1754 году), сіи тяжебныя дѣла, подлинно нужныя; потому что въ нихъ предлагается сей вопросъ, и что тѣ, которые его предлагали разумѣютъ сію матерію. Мы должны прибавить еще и то, что Г. Мопертюи никогда не отвѣчалъ на обидныя рѣчи, которыя на него при семъ случаѣ были изблеваны, и о которыхъ мы скажемъ: (nec nominetur in vobis, ſicut decet philoſophos) пускай онъ и не именуется у васъ, какъ пристойно философамъ. Такой споръ въ семъ дѣлѣ, (ежели намъ дозволено будетъ сказать) по огорченію примѣщенному въ немъ и по множеству людей, которые, и не разумѣя сей матеріи, говорили объ ней, уподобился извѣстнымъ распрямъ о вѣрѣ.

ПСИХОЛОГІЯ (а) (метафизика) есть часть философіи, въ которой преподается ученіе о человѣческой душѣ, опредѣляется ея существо, и показывается основаніе ея дѣйствій. Психологію раздѣлить можно на психологію эмпирическую, или опытную, и на психологію умствен-

ную. Первая

(а) Психологія, или наука о душѣ въ обыкновенныхъ курсахъ есть не что иное, какъ часть пневматологіи, или науки о духахъ, которая и сама есть часть метафизики. Но Г. Вольфъ въ философическомъ расположеніи своего курса, здѣлалъ изъ психологіи отличную часть въ философіи, которую онъ вмѣстилъ въ двухъ томахъ, и въ первомъ положилъ психологію эмпирическую, а въ другомъ психологію умствен-

ную. Онъ положивъ сію науку безпосредственно послѣ космологіи; потому что отъ ея происходятъ основанія почти для всѣхъ другихъ частей; какъ то видно изъ слѣдующихъ примѣчаній.

Первая выводитъ изъ опыта основанія, посредствомъ которыхъ изъясняетъ она то, что происходитъ въ душѣ; а психологія умспівенная, заимствуя изъ сихъ опытныхъ основаній опредѣленіе души, выводитъ потомъ изъ сего опредѣленія разныя способности и дѣйствія приличествующія душѣ. Сей двойной порядокъ ученія отъ опытовъ, и умспівованія производитъ самое твердое доказательство, какое только требовать можно. Психологія подаетъ основанія разнымъ другимъ частямъ философіи, какъ то праву натуральному (b) богословій натуральной, (c) философіи практической, (d)

(b) праву натуральному. Въ правѣ натуральномъ доказывается, какія суть добрыя и худыя дѣла. И такъ основаніе сего наименованія дѣлъ не можно вывесть изъ чего другаго, какъ только изъ человѣческой натуры, а особливо изъ свойствъ души; и посему познаніе души должно полагать предъ ученіемъ натуральнаго права.

(c) богословіи натуральной. Мы не можемъ иначе достичь до познанія божіихъ свойствъ, какъ чрезъ отличеніе познанія свойствъ нашей души отъ ея несовершенствъ и ограниченій. И такъ надобно сперва начать пріобрѣтать изъ психологіи понятія явственныя о

(d) и логикѣ, (e) нѣтъ ничего способнѣе къ причиненію самой живой пріятности такому разуму, которой любитъ твердыя и полезныя познанія, какъ ученіе психологіи. Это самое великое благополучіе

томъ, что приличествуетъ нашей душѣ, чтобъ чрезъ то отдѣлить общія основанія, которыя ограничиваютъ то, что приличествуетъ всѣмъ духамъ, слѣдовательно и богу.

(d) Философіи практической. Этика, или нравоученіе имѣетъ главнымъ предметомъ обязательство людей, чтобъ они слѣдовали добродѣтелямъ, а убѣгали пороковъ, то есть ограниченіе вообще желаній души пристойнымъ образомъ; и по сему кто не видитъ, что сіе ограниченіе желаній требуетъ того, чтобъ представлять себѣ явственнымъ образомъ ту субстанцію, или существенность (вещь, которая имѣетъ въ себѣ дѣйствующую силу), въ которой онѣ пребываютъ?

(c) Логикѣ. Хотя для особливыхъ причинъ, логика полагается напереди другихъ частей философіи; однако не смотря на то, она подчинена психологіи въ разсужденіи того, что она заимствуетъ отъ ея такія основанія, безъ которыхъ бы она не могла показать разности въ понятіяхъ, ни утвердить правилъ умствованія, которыя основаны на натурѣ и дѣйствіяхъ души.

получїе для человѣка , которымъ онъ здѣсь на земли пользоваться можетъ , чтобъ имѣть познанїе истинны, въ разсужденїи союза ея съ употребленїемъ добродѣтели , котораго получить не можно безъ предъувѣдомительнаго познанїя души , которое способствуетъ къ пріобрѣтенїю сихъ познанїй , и къ исполненїю добродѣтелей.

БОГОСЛОВІЯ; о которой ежели разсудить вообще, то она есть наука о Богѣ и Божіихъ дѣлахъ; поколику ихъ натуральнымъ разумомъ познать можно. Въ семъ разумѣ Аристотель называетъ богословію частью философіи, которая упражняется въ размышленіи о Богѣ и о нѣкоторыхъ его свойствахъ. Въ томъ же разумѣ и язычники называли своихъ стихотворцовъ именемъ богословъ, для того, что они почитали ихъ больше просвѣщенными; нежели простой народъ въ остествѣ божества и въ тайнахъ вѣры.

У древнихъ было три образа богословіи, то есть: 1. миѳологическая, или баснословная, которая процвѣтала между стихотворцами, и которая касалась больше до ѳеогоніи, или произхожденія боговъ. (Смотри басню, миѳологію

гію и теогонію. 2) политическая, которой держались Государи, начальники, священники и общества народовъ, какъ самой полезнѣйшей и самой нужнѣйшей для безопасности, спокойствія и благополучія обществъ науки. 3 физическая, или натуральная, или естественная, которой держались философы, какъ такой науки, которая наибольше сходствуетъ съ натурою и разумомъ, и которая не признавала, кромѣ единаго вышняго бога и демоновъ, или духовъ, какъ посредственниковъ между богомъ и человѣками. (Смотри демонъ и духъ) (genie).

У Евреевъ, которые имѣли откровеніе, были также богословы, потому что сіе имя можно дать пророкамъ, посланнымъ отъ бога для наставленія ихъ, также первосвященникамъ, опредѣленнымъ по должности ихъ толковать имъ законъ, и писателямъ, или учителямъ, которые переводили тотъ законъ. По разсѣяніи ихъ нынѣшніе Жиды не имѣли недостатка, ни въ писателяхъ, ни въ книгахъ, и писанія ихъ раввиновъ разсѣяны по всему свѣту. (Смотри раввины и тальмудъ).

У Христіянъ слово богословіи принимается въ разномъ разумѣ. Древніе отцы, а особливо Греческіе, какъ по святый Василій и святый Григорій Назіянзинъ особенно дали сіе имя той части Христіянскаго ученія, которая размышляетъ о божествѣ; отъ чего происходитъ, что между ими Евангелистъ святый Іоаннъ называемъ былъ превосходнымъ богословомъ: потому что онъ размышлялъ о божествѣ слова, глубочайшимъ и пространнѣйшимъ образомъ, нежели другіе Апостолы. Они также назвали и святаго Григорія Назіянзена богословомъ: потому что онъ ревностно защищалъ божество слова противу Аріянъ, и въ семъ разумѣ Греки отличали богословію отъ той части Христіянскаго ученія, которая размышляетъ о тайнѣ воплощенія.

Но въ пространнѣйшемъ разумѣ богословія опредѣляется наукою, которая учитъ насъ тому, что мы помышлять о богѣ, и какъ ему служить должны. Она раздѣляется на два образа, то есть на естественную и выше естественную богословію.

Богословія естественная есть познаніе, которое имѣемъ мы о богѣ и

его свойствахъ по одному просвѣщенію нашего разума и натуры, и по разсужденію дѣлъ, которыя не могутъ произойти иначе, какъ только отъ рукъ божіихъ.

Богословія высшее естественная, или богословія такъ свойственно называемая, есть наука, которая, утверждаясь на основаніяхъ откровенныхъ, выводитъ заключенія какъ о богѣ, естествѣ его свойствахъ и проч. такъ и о всѣхъ другихъ вещахъ, которыя принадлежатъ богу; изъ чего слѣдуетъ, что богословія въ своемъ поведеніи совокупляетъ употребленіе ума съ безсумнѣнностію (certitude) откровенія, или что она основана отчасти на свѣтѣ откровенія, а отчасти на свѣтѣ ума.

Какъ всѣ истинны, которыя испытываетъ и изслѣдываетъ богословія, суть или теоретическія, или практическія, то есть умозрительныя, или дѣятельныя; то въ разсужденіи сего раздѣляютъ ее на богословію теоретическую и практическую, или нравоучительную. Богословія теоретическая есть та, которая изъясняетъ, утверждаетъ и защищаетъ догматы вѣры, поколику имъ вѣрить должно. Богословія практическая,

кая , или нравоучительная есть та , которая упражняется въ предѣленіи должностей вѣры , въ показаніи добродѣтелей и пороковъ, въ предписаніи правилъ, и въ рѣшеніи того , что есть справедливо , или несправедливо , дозволено , или недозволено въ порядкѣ вѣры.

Что касается до образа преподаванія богословіи , то раздѣляется она на положительную и школьную. Богословія положительная есть та , которая толкуетъ и доказываетъ истинны вѣры текстами изъ священнаго писанія , согласно съ преданіями святыхъ отецъ , и съ опредѣленіями соборовъ , не слѣдуя школьному порядку , а преподавая ихъ ораторскимъ штилемъ , какъ то дѣлали святые отцы. Богословія школьная есть та , въ которой употребляется діалектика , доводы , и форма, употребительная въ школахъ къ преподаванію матерій, касающихся до вѣры.

Нѣкоторые авторы думаютъ , что разность между богословіею положительною и школьною не происходитъ отъ различія штиля и выраженія , однимъ словомъ отъ школьной формы, свойственной богословіи школьной , которая не примѣчается въ положительной

богословіи , но опіѣ того , что школьные богословы вмѣстили вѣ одно сочиненіе и привели вѣ извѣстной порядокѣ всѣ вопросы , которые касаются до сей науки , вмѣсто того , что древніе преподавали догматы вѣры по частямѣ и по случаю ; но сіе не дѣлаетѣ ничего вѣ разсужденіи штиля , потому , что нынѣшніе писатели могли бы преподаватѣ все основаніе вѣры ораторскимѣ штилемѣ, а древніе преподаватѣ только нѣкоторые вопросы школьнымѣ штилемѣ. И такѣ прямая разностѣ между положительною и школьною богословіею зависитѣ отѣ формы штиля ; потому что сіи матеріи суть точно однѣ.

Лютерѣ назвалѣ богословію школьную наукою двуличною , составленною изѣ смѣси священнаго писанія и философскихѣ умствованій. Но изѣ послѣдующаго увидѣтѣ можно , что онѣ о семѣ имѣлѣ фальщивое понятіе и разсуждалѣ неправо.

Аббатѣ Флери вѣ пятомѣ своемѣ размышленіи о церковной исторіи , кажетѣ себя также не очень склоннымѣ кѣ школьной богословіи ; потому что онѣ предложивши себѣ прежде вопреки , (что не правда ли то , что школьные учи-

учители нашли порядокъ способнѣйшій и точнѣйшій къ ученію, богословіи и что шпиль ихъ тверже и короче, нежели у древнихъ) отвѣтствуетъ: „я „часто слыхалъ, когда говаривали, но „не могу согласиться и никто меня „въ томъ никогда не увѣритъ, будто „бы даже до втораго надесять вѣку не „было порядка ученія въ христіянскихъ „школахъ. Правда, говоритъ онъ, что „древніе не предпринимали здѣлать цѣлой курсъ богословіи, на подобіе Гуго „на С. Виктора, Роберта Пулла, Гильдеберта Детуръ и многихъ другихъ. „Но они не преминули намъ подать въ „своихъ сочиненіяхъ полное основаніе вѣры, какъ то святой Августинъ показываетъ все то въ своемъ Энхиридіонѣ, „чему должно вѣрить и способъ, какъ „научишь тому, въ книгѣ христіянскаго ученія. Также можно видѣть сокращеніе нравоученія въ нѣкоторыхъ „другихъ сочиненіяхъ, какъ то въ Педагогѣ С. Климента Александрійскаго.

„Чего же недостаетъ у древнихъ „(продолжаетъ онъ)? Развѣ того, что „что каждой изъ нихъ не здѣлалъ по „цѣлому курсу богословіи, начиная „только все раздѣлять и опредѣлять „тѣ же матеріи? Я признаюсь, что

„нынѣшнїе писатели то здѣлали ; но „не могу согласиться на то , чтобъ по „сему можно было лучше научить вѣрѣ. „Слѣдствїе сего порядка самое явствен„ное состоитъ въ томъ , что на„полненъ свѣтъ великимъ множествомъ „такихъ книгъ , отчасти печатныхъ , „а отчасти рукописныхъ , которыя „лежатъ спокойно въ великихъ библїо„текахъ ; потому что онѣ не привле„кают къ себѣ читателей ни пользою, „ни пріятностїю. Кто теперь читать „станетъ Александра Галеса и Альберта „великаго? И онъ сказалъ выше сего, что онъ не видитъ въ Альбертѣ ни чего ве„ликаго, кромѣ толстоты и числа книгъ.

Онъ примѣчаетъ также, что школьные писатели хотѣли слѣдовать геометрическому порядку ученїя; но принимая часто священное писанїе въ метафорическомъ и закрытомъ разумѣ , и полагая за основанїя аксїомы худой философїи , или важность какого свѣтскаго автора , не соблюли его въ самой вещи. „Потомъ онъ говоритъ : какъ „школьные писатели подражали порядку „ученїя геометрическому , то еще луч„ше того сухой его и единообразной „штиль скопировали. Они еще учинили „погрѣшность , здѣлавъ себѣ особливой „языкъ

„языкъ, отмѣнной отъ всѣхъ обыкновен-
„ныхъ языковъ, и отъ прямаго Латин-
„скаго, хотя онъ отъ него и свое на-
„чало производитъ; что совсѣмъ не ну-
„жно: потому что всякъ философство-
„вать можетъ, говоря хорошо своимъ
„языкомъ. Дѣла Аристотелевы напи-
„саны хорошимъ Греческимъ языкомъ,
„сочиненія философическія Цицероновы
„хорошимъ Латинскимъ, да и въ седь-
„момъ надесятъ вѣкѣ, Картезій толко-
„валъ свою науку хорошимъ Французскимъ
„языкомъ.

„Другая погрѣшность состоитъ въ
„томъ, что думаютъ иные, будто
„бы штиль сухой, принужденной, и ве-
„здѣ единообразной, былъ яснѣе и короче,
„нежели обыкновенной и натуральной,
„въ которомъ люди даютъ себѣ волю въ
„различіи рѣчей и въ употребленіи нѣко-
„торыхъ фигуръ. Сей штиль принужден-
„ной, и какъ сказать, перелитой въ дру-
„гой видъ есть длиннѣе и сверхъ того
„весьма скученъ. Симъ штилемъ повто-
„ряются на каждой страницѣ однѣ рѣчи
„напримѣръ (о сей матеріи полагается
„шесть вопросовъ, къ первому присту-
„ютъ такъ. Потомъ три противурѣ-
„чія; а послѣ того я отвѣчаю, что
„должно сказать; а наконецъ слѣдуютъ

„от-

„ отвѣты на противурѣчїя и проч). Иной „ бы сказалъ, что авторъ побужденъ былъ „ необходимою нуждою выражать свои „ мысли такъ одинаково. На всякой „ строкѣ повторяются ученые термины „ и названія : какъ то предложеніе, утвержденіе, большое, меньшое, доказательство, заключеніе и проч. А сіи повторенія увеличиваютъ разговоръ много.

„ Доводы нарядные (en forme) увеличиваютъ разговоръ примѣтно и приводятъ въ нетерпѣніе того, которой съ перваго разу видитъ заключеніе. Разговоръ сокращается чрезъ энтимему „ (такъ называется сокращенной силлогисмъ) или чрезъ простое предложеніе, которыя подаютъ способъ доразумѣваться о всемъ прочемъ. Надлежало „ бы сберегать силлогизмы на рѣдкіе случаи, когдабъ надобно было разобрать „ фальшивой силлогизмъ, или здѣлать „ понятною какую опредѣленную истинну.

„ Между тѣмъ (заключаетъ онъ) „ тѣ, которые приобыкли къ школьному штилю, не почитаютъ умствованій за умствованія, ежели онѣ не „ огражденны видомъ силлогизмовъ. Святые отцы кажутся имъ теористами, „ еже-

„ежели не говорунами ; для того что
„они изъясняются натурально , какъ
„то дѣлается въ обхожденіи , для того
„что они употребляютъ иногда вопро-
„сы , восклицанія и другіе обыкновен-
„ныя фигуры , а школьные учители не
„видятъ того , что фигуры и умные
„рѣчей обороты уменьшаютъ много словъ
„и что часто однимъ хорошо вмѣщен-
„нымъ словомъ предупреждается или оп-
„вращается противурѣчіе , которое бы
„одержало ихъ на долгое время.

Сіи обвиненія суть тяжелы , такъ что не можно , больше порицать школьной богословіи; но онѣ упадаютъ только на древнюю школьную богословію , обезображенную пустыми вопросами и варварскимъ шпилемъ. Надобно признаться, что послѣ возобновленія въ шестомъ надесять вѣкѣ наукъ школьная богословія довольно перемѣнилась въ разсужденіи обѣихъ сихъ обстоятельствъ. Подлинно ежели разсудить о школьной богословіи по прямому ея намѣренію , то она есть не что иное , какъ познаніе священнаго писанія , переведеннаго въ такомъ разумѣ, которой утвердила церковь , присовокупляя къ тому толкованія и разсужденія святыхъ отецъ и ни мало не пренебрегая той помочи , которую получить

можно

можно отъ свѣтскихъ наукъ къ изъясненію и защищенію истинны. Такъ сію богословію сочло богословское общество въ Парижѣ и растить ее на сихъ основаніяхъ; и намѣреніе сего общества, при упражненіи въ сей наукѣ своихъ питомцовъ, состоитъ въ томъ, чтобъ приучить ихъ чрезъ употребленіе діалектики къ точносіпи умствованія.

Ежели отнять у школьной богословіи великое множество непотребныхъ вопросовъ, которыми отяготили ее древніе и привесть ее въ такой порядокъ, какимъ преподаются полезныя въ разсужденіи наукъ и добронравія истинны; то найдется, что она такъ стара, какъ церковь. Столько спорныхъ и догматическихъ сочиненій святыхъ отецъ всѣхъ вѣковъ, въ которыхъ они установляютъ разные догматы вѣры, и на которые устремлялись еретики, доказываютъ сіе неоспоримо. Потому что они не довольствуются тѣмъ, чтобъ толковать въ нихъ просто вѣру и приводить тексты изъ священнаго писанія и изъ святыхъ отецъ, на которыхъ она основана; но употребляютъ еще діалектику, и умствованіе; чтобъ утвердить истинной разумъ тѣхъ текстовъ, на которые они посылаются; чтобъ истолковать тѣ, которо-

которые приводятся отъ ихъ противниковъ ; чтобъ опровергнуть трудности , которыя они предлагаютъ ; чтобъ изъяснить и открыть слѣдствія основаній , которыя они находятъ въ священномъ писаніи и преданіяхъ и чтобъ убѣдить еретиковъ въ погрѣшности фальшивыхъ слѣдствій , выведенныхъ ими. Наконецъ они не пренебрегаютъ ни чего того , что можетъ служить къ показанію , изъясненію и защищенію истинны , къ увѣренію тѣхъ , которые неубѣжденны въ томъ , къ выведенію изъ погрѣшности всѣхъ тѣхъ , которые въ нее попали ; а чтобъ получить въ семъ успѣхъ , то употребляютъ они къ тому основанія натуральнаго разума , знаніе языковъ, тонкости діалектики, черты краснорѣчія, важность философовъ и историковъ. Мы находимъ въ писаніяхъ ихъ предложенія , доказательства , противурѣчія , отвѣты, доводы , слѣдствія и прочая , и такъ вся разность произходитъ отъ того , что у нынѣшнихъ порядокъ ученія меньше скрытъ , и что они не суть, или не стараются казаться такъ краснорѣчивы. Но въ самомъ дѣлѣ меньше ли они для сего основательны , когда они держатся однихъ существенныхъ мѣстъ и когда они преподаютъ ихъ на важныхъ основаніяхъ, какъ то дѣлаютъ нынѣшніе школьные учи-

учители, а особливо богословскаго общества въ Парижѣ? Недостатки начинающагося порядка ученія не утверждаютъ того, чтобъ онъ былъ худъ, а часто приносятъ похвалу тѣмъ, которые привели его въ совершенство.

Богословы имѣютъ обыкновеніе разбирать многіе вопросы по достоинству, пользѣ и нуждѣ сей выучиваемой ими науки; и мы о всѣхъ сихъ мѣстахъ отсылаемъ читателя къ ихъ писаніямъ, а удовольствуемся только тѣмъ, чтобъ коснуться къ безсумнѣнности богословій, или богословскихъ заключеній. Чрезъ богословскія заключенія разумѣются такія, которыя явственно и безсумнѣнно выведенны изъ одного, или двухъ предложеній (силлогизма), которыя оба откровенны, или изъ которыхъ одно откровенно, а другое просто по натуральному рузуму извѣстно; здѣсь спрашивается: 1. равно ли безсумнѣнны сіи заключенія, какъ и предложенія о вѣрѣ, 2. большель, или меньше онѣ безсумнѣнны, какъ и заключенія другихъ наукъ, 3 равно ли онѣ безсумнѣнны, какъ первыя основанія или аксіомы въ геометріи, философіи и проч.

Рѣшеніе всѣхъ сихъ вопросовъ зависитъ отъ знанія, какое есть основаніе без-

безсумнѣнности богословскихъ заключеній, то есть какая причина заставляетъ разумъ удовольствоваться тѣми заключеніями. Говорятъ вообще, что непосредственное отъ бога откровеніе, предложенное церковью, есть причина побуждающая удовольствоваться истиннами вѣры, и что откровеніе посредственное, то есть связь, которая находится между заключеніемъ богословскимъ и откровеніемъ, связь извѣстная по натуральной ясности есть причина побуждающая удовольствоваться заключеніями богословскими.

Изъ сего легко вывесть можно: 1. что заключенія богословскія не имѣютъ той степени безсумнѣнности, какъ истинны вѣры, которыя основанны 1 на безпосредственномъ откровеніи божіемъ, 2 на рѣшеніи церкви, которая свидѣтельствуетъ объ истиннѣ сего откровенія, вмѣсто того, что богословскихъ заключеній причина есть связь ихъ съ откровеніемъ; но связь примѣченная только по ясности умствованія, причина удовольствованія и средство къ познанію сей причины суть по видимому въ заключеніяхъ богословскихъ ниже той причины, которая опредѣляетъ разумъ покаряться истиннамъ вѣры, также ниже и того

сред-

средства , которое открываетъ ему сію причину. 2. что заключенія богословскія суть безсумнѣннѣе , нежели заключенія натуральныхъ наукъ, взятыя вообще ; какъ то извѣстно , что сіи заключенія часто основываются на однихъ только догадкахъ , и что ихъ связь съ первыми основаніями не такъ явственна , какъ связь заключеній богословскихъ съ откровеніемъ безпосредственнымъ.

А что касается до третьяго вопроса , то есть , что заключенія богословскія больше ль , или меньше безсумнѣнны, нежели первыя основанія геометрическія, или философическія ; то въ томъ писатели несогласны и имѣютъ два мнѣнія.

Первое мнѣніе древнихъ богослововъ, которые утверждаютъ , что заключенія богословскія суть безсумнѣннѣе , нежели первыя основанія , потому что онѣ (говорятъ они) основаны на откровеніи божіемъ , которой не можетъ и не хочетъ обманывать людей , напротивъ того первыя основанія утверждены на умствованіи, или ясности натуральной, которая подверженна погрѣшности.

Напротивъ того большая часть нынѣшнихъ думаютъ , что первыя основанія

нія суть также безсумнѣнны , какъ и богословскія заключенія , попому і что такова есть безсумнѣнность сихъ аксіомъ (цѣлое есть больше, нежели его часть; двѣ вещи равныя одной третей равны и между собою и проч.) что не можно показать большей ея безсумнѣнности, и что мы опытомъ узнаемъ , что нѣтъ такихъ истинъ , которыми бы разумъ могъ скорѣе удовольствоваться. 2. что богъ есть творецъ неменьше ума , какъ и откровенія ; изъ чего слѣдуетъ , что ежели не можно подозрѣвать фальши въ откровеніи , опасаясь, чтобъ не учинить чрезъ то порицанія самому богу , то не можно также подозрѣвать погрѣшности въ умствованіи , касающемся до первыхъ основаній ; потому что богъ намъ далъ равно оба сіи средства, одно , чтобъ познавать натуральныя истинны, а другое, чтобъ прилѣпляться къ истинамъ вѣры. 3 что вѣра сама основана нѣкоторымъ образомъ на умствованіи ; ибо (говорятъ они) для чего мы вѣримъ откровенію ? для того что мы знаемъ , что богъ есть истинна по существу , которой не можетъ ни обмануть , ни быть обманутъ , и которой намъ объявляетъ сію истинну ? Это есть умствованіе безъ сумнѣнія , и сіе умствованіе также по разнымъ причинамъ вѣроимчиво-

сти увѣряетъ насъ, что Иïсусъ Христосъ есть Мессïя, и что вѣра его есть единая истинная вѣра; и такъ ежели умствованïе ведетъ насъ, какъ за руку даже и до вѣры, и ежели оно нѣкоторымъ образомъ служитъ къ тому основанïемъ, такъ для чего хотѣть, чтобъ заключенïя богословскïя, которыя признаются за меньше безсумнѣнныя, нежели истинны вѣры, были больше безсумнѣнными, нежели аксíомы и первыя основанïя умствованïя? Голденъ. О рѣш. вѣры к. 1. г. 3 и нач. основ. богословïи г. 1. стран. 12.

Богословïя мистическая или богодохновенная (myſtique) значитъ нѣкоторой образъ мудрой и вышней богословïи, которую знаютъ богодохновенные люди (смотри myſtiques богодохновенные или таинственные, и theologie богословïя.

Сïя богословïя состоитъ въ познанïи бога и божïихъ дѣлъ, но не въ томъ познанïи, которое приобрѣтается обыкновеннымъ образомъ, а въ томъ, которое вливаетъ въ кого богъ безпосредственно самъ собою, и которое довольно имѣетъ силы къ тому, чтобъ привесть человѣческой духъ въ спокойное состоянïе, чтобъ отвратить его отъ корысполюбïя, чтобъ

чтобъ воспламенить его чистымъ благоговѣнїемъ, чтобъ соединить его внутренно съ богомъ, чтобъ просвѣтить его разумъ, чтобъ разгарячить и ободрить его волю нѣкоторымъ чрезвычайнымъ образомъ.

Между сочиненїями, которыя приписываются святому Дїонисїю Ареопагитскому, находится размышленїе о богодохновенной богословїи, да и многїе древнїе и нынѣшнїе авторы о томъ писали.

Богословїя положительная состоитъ въ простомъ познанїи, или исполкованїи догматовъ и членовъ вѣры, поколику они содержатся въ священномъ писанїи, или изъясненны святыми отцами и соборами и очищенны отъ всѣхъ споровъ и противурѣчїй. (Смотри theologie богословїю.)

Въ семъ разумѣ богословїя положительная противополагается богословїи школьной и спорной.

Богословъ есть тотъ, которой учится, или учитъ другихъ богословїи, или пишетъ о сей наукѣ.

СТАТЬИ
переведенныя
ИЗЪ ЭНЦИКЛОПЕДІИ

	стр.	томъ
Philoſophie, философія - - - -	511	12
Philoſophe, философъ - - - -	509	
Philoſophique eſprit, философской разумъ - - - - - - -	515	
Logique, логика - - - - -	637	9
Dialectique, діалектика - - -	934	4
Phyſique, физика - - - - -	539	12
Phyſicien, физикъ - - - -	536	
Metaphyſique, метафизика - - -	440	10
Ontologie, онтологія - - - -	486	11
Coſmologie, космологія - - - -	294	4
Pſychologie, психологія - - - -	543	13
Theologie, богословія - - - -	249	16
Theologien, богословъ - - - -	251	16

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kozel□s□kyj, I. D.

Stat'i o filosofii i častjach eja iz Enciklopedii

Bd.: 1

[Sankt-Petersburg] (1770)
Ph.u. 643 h-1/2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10047595-9